александр комиссаров

воспоминания • графика • фото

александр комиссаров

александр комиссаров

воспоминания • графика • фото

Это издание посвящено памяти Александра Комиссарова (1946-2016) и рассказывает о замечательном творческом человеке редкого обаяния – друге, учителе, спутнике жизни. Книга иллюстрирована графическими работами художника, а также фотографиями, которые вкупе с воспоминаниями передают атмосферу времени 50-х – нулевых годов, и, без сомнения, свидетельствуют не только о ней, но и о личности Саши Комиссарова.

ISBN 978-5-98604-634-1

Дизайн-макет и компьютерная верстка А. Нерославский.
Фотографии Н. Самойлов, А. Крутов, Н. Межникова

© Н. Межникова 2017.
© А. Нерославский, оформление
Подписано в печать 05.07.2017. Формат 210x210 mm Бумага офсетная.

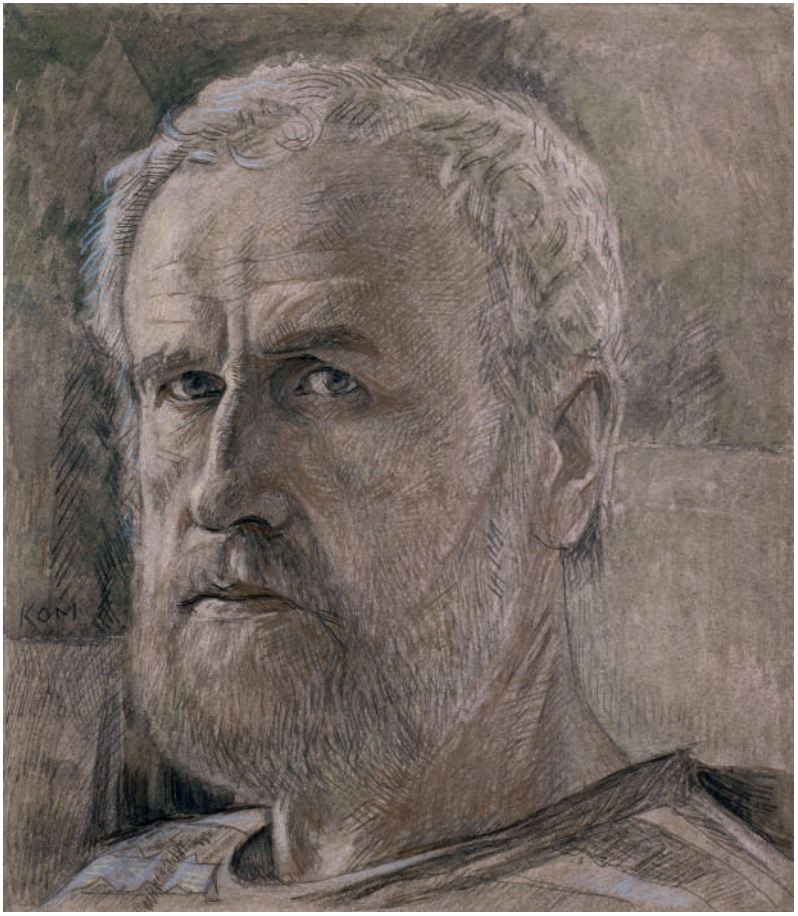
Печать офсетная. Объем 160 усл. печ. л.
Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000».
Тел. (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru

В проеме арки силуэт;
Чернел, как ягоды сухие;
Зимой на стоптанном снегу.
Бог испытания по силе;
Даёт нам. Больше не могу.

А. К.

Благодарю всех наших с Сашей друзей, откликнувшихся на замысел этого издания и не пожалевших времени, трудов и сердца, чтобы принять в нем участие. Огромное спасибо Саше Нерославскому, сделавшему дизайн и верстку книги.

Н. Межникова.

Автопортрет 2008 г., б.см.техника 50х40 см

Основные даты жизни и творчества.

Родился в Москве у Чистых прудов. На ул. Чернышевского (Покровка). Третий сын Зинаиды Степановны Даниловой (1920-1985)

1956 год — Переезд в новый дом на Октябрьское поле (ул. Бирюзова) Школа №147. Одноклассники Саша Крутов, Марина Петрова, Юра Федосов, Галя Кирицева и т.д.

С 1961- 63 — Учится в художественной школе №3. Потом в студии ВИЭМ.

1963-1966 — По воскресеньям посещает студию при выставочном зале «Манеж», которую вёл Оскар Качаров. Много рисует дома и на природе. Много читает. Интерес к поэзии. Появляются первые стихи. Тесное общение со студентами МАИ В.Кенарским, А. Шеленковым, А. Дранёвым. Четверги у А. Крутова и М. Петровой. А. Шапиро принимает участие в сборах «Суд». Походы, гитара, песенки.

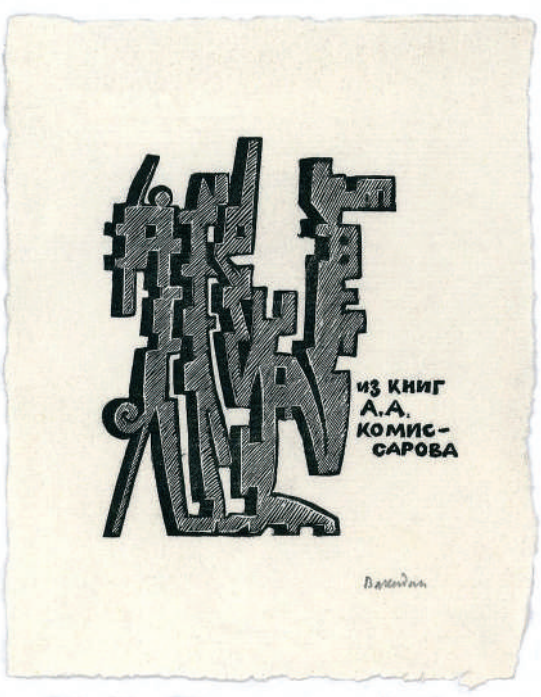
1966 год — Поступает в МГПИ им. Ленина на на художественно-графический факультет. Учится у А. Алейникова, В. А. Дрезниной, Е. Комарова. Знакомство с В. Трифоновым, А. Зинковским, Н. Межниковой, О. Ковальчук. С А. Зинковским издают и рукописный журнал «Икар». Учёба на худ-графе. Практики в Павловской слободе, Владимире, Суздале, Ленинграде, на Кавказе. А. Алейников знакомит с В.Н. Вакидиным, творческое общение с которым не прекращалось до кончины последнего.

1969 год — 20 декабря женитьба на однокурснице Н. Межниковой.

1970 год — 31 декабря рождение дочери Маруси. Готовится к диплому, состоящему из 40 рисунков, с эпиграфом «Что мне близко и дорого».

1971 год, май — Успешная защита диплома. Преподаёт в Суриковской художественной школе, историю искусств и рисунок. Первое участие в Молодёжной выставке (рисунок «Окно»). Начал преподавать на

	худ-графе. Был ассистентом у академика В.П. Ефанова, позже у С. И. Дудника. Летнюю практику по живописи вёл с В. А. Дрезниной, часто рисует вместе со студентами в аудитории. Серия работ «Художник и модель». Рисует вместе с Вакидиным, позируют, как правило, студенты. Регулярно посещает А. Алейникова, С. М. Родионову. Показывает новые работы.
1977	Вступает в Союз Художников. Участвует в ежегодных и тематических выставках. Начинает работать в мастерской Уникальной графики Графического Комбината. Делает портреты. Тематические работы в командировках.
1983-1987	Главный художник Мастерской Уникальной графики.
1986-1990	Член бюро секции графика МОСХА. Член правления худ. Фонда г. Москвы. Много рисует. Живопись по наброскам. Принимает участие во всех значимых выставках.
1990-2016	Персональные и групповые выставки в разных залах Москвы. Занимается живописью. Много работает. Создаёт более двухсот живописных работ.
18.01.2016	Скончался в Москве.

Экслибрис В.Вакидина 1985г

воспоминания

Икар 1961 г.

Рисовал с детства, сколько себя помню. Занимался в кружках, детской художественной школе, разных студиях. Художником стать не мечтал. В шестнадцать лет получил от мамы в подарок небольшой этюдник с масляными красками. Увлёкся новыми возможностями. Этим этюдником пользуюсь до сих пор. В юности путешествовал по старым русским городам и северу, побывал с экспедицией в колымском крае. В институт поступил в двадцать лет. Учился у Александра Абрамовича Алейникова, которого считаю своим учителем. Диплом защищал под руководством Е. И. Комарова. Работа состояла из сорока карандашных рисунков. Рисовал всё: портреты друзей, композиции, натюрморты, увиденные в жизни. Вообще тогда же обозначился круг тем, которым остаюсь верен и теперь. Рисую в основном то, что хорошо знаю. Новые впечатления хороших результатов в работе, как правило не дают. Лучше удаётся знакомое, даже привычное, но увиденное, как в первый раз. Серьёзной работы не получается, если не увидел формальной, композиционной задачи, которую для себя называю: «сверхзадача». Решение её субъективно-профессиональная цель. Конечно, рисую не ради неё, но если такой цели нет, работа не идёт. Возможно, в этом сказывается рационализм мышления. Впрочем, большую поддержку

своим представлениям об искусстве нашёл в творчестве В. Н. Вакиндина и в личном общении с ним.

Чистой лирики в искусстве не люблю. Полагаю, она может быть причиной творчества, но в конкретной работе, только следствием решения «сверхзадачи». Несмотря на приоритет формального, «формалистом» не стал, но ценю это качество у других художников. Все мои творческие привязанности лежат в предметном мире. Для меня предмет и межпредметные связи, то есть пластика мира, и являются его содержанием. Только через них, мне кажется, художник может передать полноту содержания жизни и окружающего мира. А личность проявится, как следствия решений этой задачи. В этом мне видится объективная основа субъективного творчества. Примерно так же отношусь к живописи. Её смысл для меня в использовании цвета для решения тех же задач. С этим всегда было много проблем. Последние десять лет больше пишу, стараясь разобраться с ними. Масло представляется субъективно лучшим для этого материалом.

Не раз убеждался, что узкая специализация в искусстве ведёт к перерождению художника в мастера-ремесленника. Потому для себя считаю полезным время от времени менять материал: карандаш на кисть, масло на акварель и резец. Работал в литографии, резал линолеум, осваивал офорт и другие графические техники. И всё же, с карандашом не расстаюсь. Когда сопротивляется

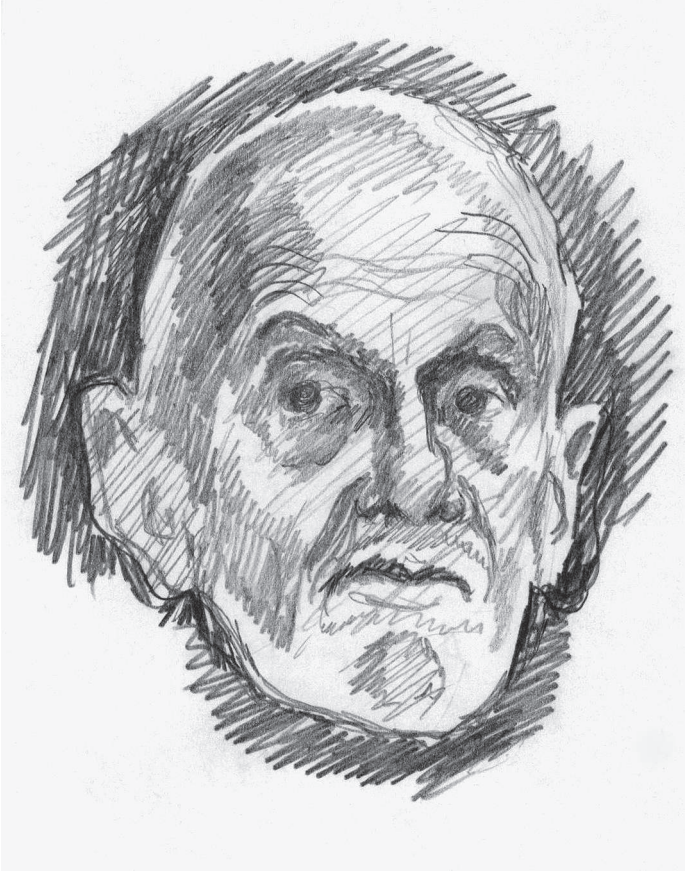
материал – мучаюсь. Когда творчеству сопротивляется жизнь – работаю активней.

Больше всего люблю рисовать человека, его пластические особенности и связи с окружающим миром. Полагаю, что в этом раскрывается его характер. Сходство, считаю следствием точно решённой «сверхзадачи». Обхожусь без больших влажных глаз.

Пейзаж больше ценю у других художников. Замыслы обширные. Реализация их сильно отстаёт. Но надежды не теряю.

Из каталога выставки на Кузнецком 11.

А. Комиссаров. 1990 год.

эскиз к портрету (А. Алейников), б.к. 11х10 см

Несколько слов об А. А. Алейникове.

Я познакомился с Александром Абрамовичем в 1966 году, когда он стал преподавать рисунок и живопись в нашей группе. Преподавателей было несколько, но он быстро привлёк к себе тем, что не только обращал внимание на ошибки, но говорил о вещах более важных. От него я впервые услышал о предмете и пространстве, об объёме и силуэте, о чередовании и совмещении планов, о закрытом и открытом цвете, о композиции цвета, о принципах художественного видения и о способах его реализации и о многом и многом ещё. Все свои мысли Александр Абрамович иллюстрировал примерами из истории искусства, для чего приносил старенький портфель, набитый альбомами по искусству. На каждом следующем занятии беседа продолжалась с того же места, на котором прервалась на предыдущем, и в ход шли новые принесённые альбомы. По своему уровню подготовки я часто не сразу мог понять всё, о чём говорилось, но Александр Абрамович, упорно, меняя способы изложения, подыскивая более точные примеры, доводил вопрос до полной ясности. Учится у Александра Абрамовича, было очень интересно и, когда он перестал преподавать, я огорчился.

В следующий раз мы встретились через два года по моей инициативе. Я вышел на диплом и остро почувствовал необходимость поговорить о том, что получается, со знающим, умным человеком, которому можно

доверять. Позвонил Алейникову. На мой звонок по телефону Александр Абрамович ответил любезным приглашением приехать с работами. Когда просмотр закончился, и стало понятно, что результат моих усилий более или менее приемлем, Александр Абрамович достал с подоконника бутылку водки и сказал: «Официальная часть закончена, давайте немного выпьем». Потом он повертел бутылку в руках и обратился ко мне: «Саша, может быть, вы откроете, а то зубами неудобно, а руками – сил не хватает». В то время водку закрывали алюминиевой крышкой с язычком, за который её надо было сорвать. Это требовало некоторых усилий, но подавляющее большинство советских мужчин свободно с этим справлялось. Я открыл, и с этого дня наши отношения учителя и ученика перешли в дружеские.

А.А. Комиссаров.

Фрагмент из книги «Из архива семьи Цедербаум»
Собрание Москва 2008.

Независимо от поворотов жизни всегда были и будут художники, понимающие искусство как смысл жизни, а не общественную функцию. Это требует лучших человеческих качеств и мужества. Известно, что верность искусству никогда не оплачивалась. Тем ценней её проявления. Вот почему хочется сказать о выставке наследия Софьи Михайловны Родионовой и о творческом отчёте Александра Абрамовича Алейникова в зале на улице Вавилова. Это выставка художников, объединенных творческими принципами и более чем полувековой совместной жизнью.

Отрывок из статьи о выставке С. М. Родионовой и
А. А. Алейникова «Удивлённые жизнью».
17 февраля 1992 года. Газета МХ.

А. А. Комиссаров

наброски к портрету (С. Родионова),
б.к. 16х20 см

А. Комиссаров и Н. Межникова 1966 г.

Воспоминания – жанр прихотливый. Память изменчива, выборочна, да ещё и произвольно окрашена, личностью мемуариста, который всегда просматривается за текстом. Одно и то же событие мы наделяем собственными представлениями о «хорошем» и «плохом» и даже восприятие деталей происходящего у нас разное. Нельзя измерить достоверность воспоминаний – за исключением откровенной лжи и фактических ошибок, а всё остальное создаёт, на мой взгляд, объёмную картину жизни.

Я очень благодарна друзьям за их – такие разные – тексты.

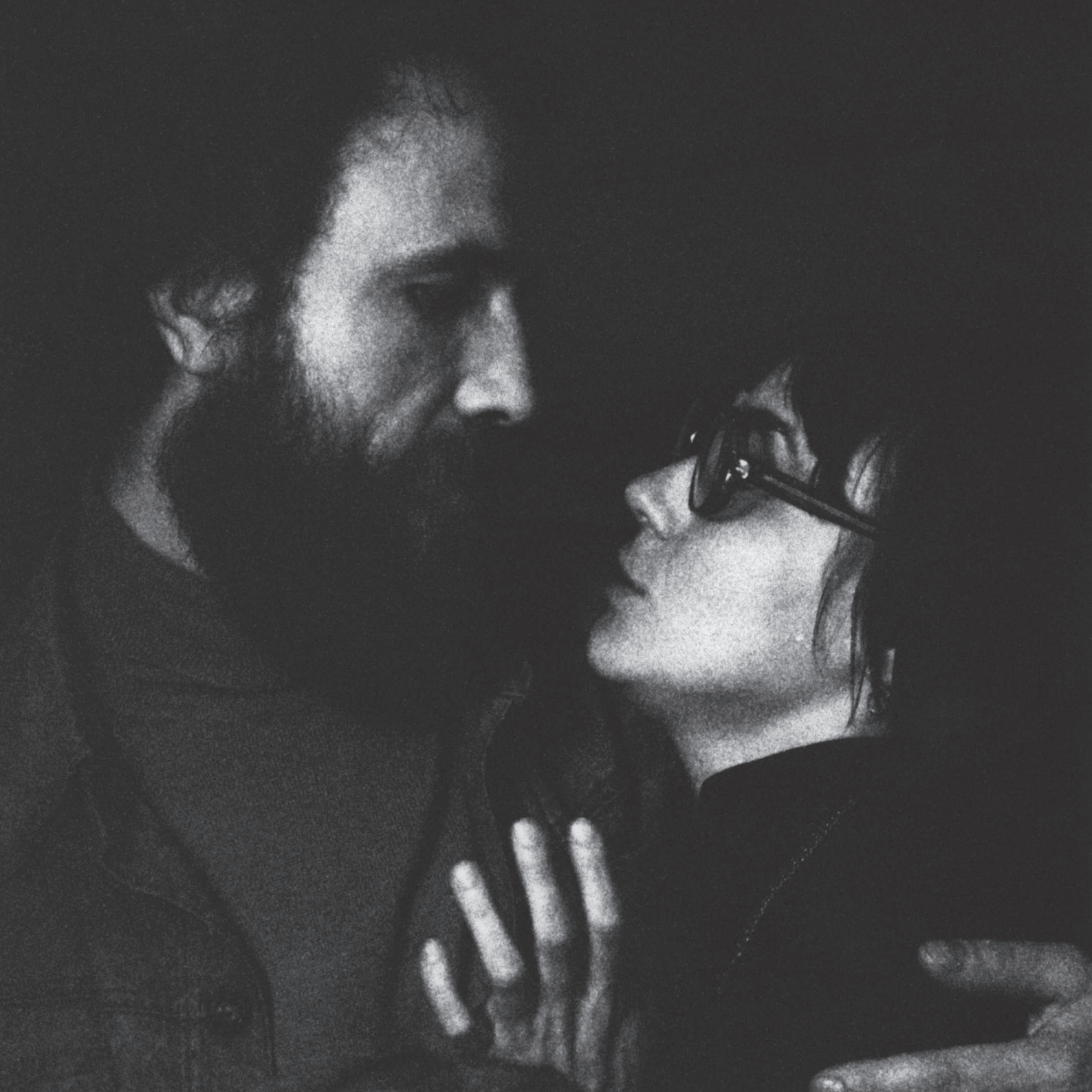
В эту книгу вошли отрывки из статей А. Комиссарова о себе; его воспоминания об А. А. Алейникове; о выставке С. Родионова и А. Алейникова.

Включены в это издание также и фрагменты писем – личных, искренних, нежных. В них звучит Сашин голос – это было очень важно для меня.

И в отобранных мной для книги рисунках, мне представляется, есть это качество, выраженное в наблюдательности без гротеска, лёгкой иронии, симпатии и интересе по отношению к жизни и людям: быстрые, точные портреты художников, композиторов, незнакомых слушателей.

Для Саши рисование было не средством самовыражения, а самой его жизнью – рисование всегда и везде: наброски, длительные портреты, «портреты» деревьев… Наблюдать, изучать, рисовать. В этих рисунках, по-моему, тоже звучит Сашин голос… В них и воспоминания о нашем времени – увы, уходящем.

Наталия Межникова.

Нам всегда было интересно друг с другом. Так было до совместной жизни, так было всегда. Часто, наши представления об искусстве не совпадали. Кома был одним из тех художников, кто бережно хранил, полученную от учителей пластическую культуру. Он был не склонен к новаторству, эксперименту, но поэтическая картина мира была свойственна его личности. Я же «бурлила» и – как он говорил: «Ей неймётся» – искала по возможности новые формы выражения.

Всякое посещение выставки, мастерской друзей-художников вызывало бурное обсуждение. Как сейчас помню, Веласкес к нам «приехал» («Принц Балтасар на коне»), и мы, стоя перед полотном, наслаждаемся свободой мазка, красотой, борьбой розовых и зелёных на первом плане. Это было совместным восторгом и посланием нам (выставка в Пушкинском в 2012 году).

В Пушкинском я больше смотрела Матисса и Пикассо, они ещё тогда висели на первом этаже главного здания, на мраморных стенах, с хорошим дневным освящением. А Кома «показал» мне К. Коро, и я влюбилась в него. Вместе «переживали» любимого Марке. Простота мотива, лаконизм и невероятная точность цвета, то, что даёт пластическую цельность. Какое счастье, что наши купцы привезли это в Москву, как важно это было для воспитания и сохранения культурной традиции.

В 30-е, уже суровые, годы были художники, сохранившие эту культуру. Им приходилось по большей части

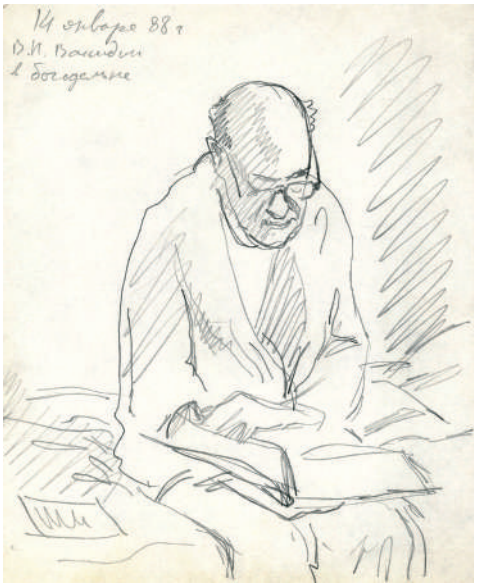
работать «в стол», без какой бы то ни было надежды на публичный показ или же, что ёще «трагичнее», прислушиваться к начальственным «окрикам».

К счастью, мы были знакомы и даже дружили с некоторыми из них. А. А. Алейников, Софья Михайловна Родионова. В доме висел её замечательный портрет, работы отца, в нём угадывалось влияние К. Коро, его женских портретов, которые мы с Комом так ценили.

А. А. Алейников – ученик Истомина, Фаворского, Родионова – исповедовал самостоятельность «петь своим голосом» и именно поэтому так возражал против «фаворитов». Он говорил, что они одинаковые: культурная традиция есть, но этого мало. Сам обратился к теме «Цирк» – и это после П. Пикассо, которого очень любил. Наработал огромный материал и сделал замечательную серию – свою, острую, динамичную, гротескную. Характер автора не скроешь…

Виктор Николаевич Вакидин, сокурсник Алейникова и Сони Родионовой, ученик В. А. Фаворского, долгие годы друживший с ним. Дневниковые записи Вакидина о посещении дома Владимира Андреевича и бесед с ним, Лена Жукова собрала в сборник «В. Н. Вакидин. Страницы из дневника».

Кома общался с Виктором Николаевичем очень плотно, начиная с 1969 года и до самой его кончины. Тогда же мы познакомились с В. С. Беренгофом, и с его женой Доротеей Мироновной, с В. Б Элькониным.

художник В. Вакидин 1988 г., б.к. 20х16 см

Уже в начале семидесятых Кома преподавал на худграфе. Каждую неделю в течение многих лет он возил студентов на улицу Медведева, где жил Виктор Николаевич, занимая две комнаты в огромной коммунальной квартире. Посмотрев работы мастера, юноши, чаще девушки, позировали. Виктор Николаевич и Кома рисовали. Виктор Николаевич был признателен и поил чаем. Сеансы проходили под музыку. Проигрыватель стоял на тумбе между двух окон. Тумба, сделанная отцом Виктора Николаевича – мастером-краснодеревщиком из Воронежа, сейчас стоит у нас. Мастерская Вакидина находилась под крышей дома №25 по улице Горького (Тверская). Гравировал и делал иллюстрации Виктор Николаевич дома, в мастерской же писал и рисовал. Там же хранились и работы прежних лет. Всё было разложено в папки по годам создания. На одной из папок была такая надпись: «Для нескольких, сколько-нибудь заинтересовавшихся» или на другой «Второй сорт». Сохранилось всё.

Из письма Комы ко мне. Июнь 1972:

«Теперь о себе. Я был два раза у В.Н. Вакидина. Возил кое-какие новые работы. Не слишком они понравились. Зато я посмотрел у него в мастерской множество работ с 15-летнего возраста. Работы до Фаворского очень хорошие, немного похожи на Шагала и на твои. Может, тебя это удивит, но это так. Всё же он ко мне очень хорошо относится».

Скромности ради замечу, что, когда я впервые принесла Виктору Николаевичу свои работы – всё, что считала лучшим, – он сказал: «Наташа, я так рисовал, когда хотел быть художником».

Виктор Николаевич любил и знал музыку. Ни один визит не обходился без прослушивания записей выдающихся музыкантов – тогда Кома узнал Г. Гульда, М. Юдину. Слушали чаще Баха и любимого обоими Д. Шостаковича. Кома с юности ходил в консерваторию, «Мадригал» А. Волконского, уже был замечен. У нас собралась порядочная фонотека выдающихся исполнителей. Конечно, слушали не только Баха – Бетховена, Шостаковича, Малера...

Из письма 1997 года. Дом Творчества композиторов. Ворзель:

«Я рассказал Беринскому, что пришёл к музыке через Баха к Шостаковичу, потом к Малеру и далее к современникам. Он сказал: «Хороший путь“».

Из письма от 14.06.77:

«Вакидин уехал в Челюскинскую. Звонил. Хочу поехать к нему в ближайшие дни. Скучает. В Москве жарко и частые дожди с грозами. Иной раз собираешься вечером рисовать, смотришь – дождь. Тогда приглашаешь компанию, коротаешь вечер. Бывают у меня Фишер Дискау, Глен Гульд, очень часто Бах и Шостакович. Вот под них я и рисую или кое о чём думаю».

рисует, б.к. 14х10 см

Иногда Виктор Николаевич устраивал Кому «музыкальную угадайку». Кома, если и не знал эту музыку, безошибочно определял эпоху и стиль. Им было хорошо вдвоём. Главное в общении – искусство слушать рассказы Виктора Николаевича о его старших современниках: Фаворском, Удальцовой, П. Кузнецове, Матвееве. В доме у Виктора Николаевича висел «Натюрморт со стаканом» К. П. Петрова-Водкина, купленный по предложению Фаворского у вдовы художника «для поддержания». Виктор Николаевич также приобрёл один натюрморт. Висели две работы Удальцовой, с которой Виктор Николаевич дружил, гравюра Утамаро, купленная в комиссионке.

Кома неоднократно рисовал Виктора Николаевича в интерьере его дома. И только когда Виктор Николаевич переехал в долгожданную отдельную квартиру в Строгино, куда добраться тогда было большой проблемой, визиты стали реже, а вскоре Виктора Николаевича настигла болезнь. Больницы, потеря памяти… Но даже в больницу Кома возил ему альбомы живописи, любимого Вермеера, Сезанна. Виктор Николаевич с любовью рассматривал, отмечая, как превосходно исполнена задача и какими средствами. Есть у Кома наброски и живопись по ним «Вакидин в больнице». К тому времени Виктор Николаевич уже не работал. На предложение принести ему бумагу и материалы, сказал: «Нет, Саша, я, кажется, уже всё нарисовал».

Но жизнь продолжалась, наши молодые друзья писали, рисовали. Каждая выставка, осенняя, весенняя, тематическая, была событием. Увидеть себя в большом зале, в соседстве с другими художниками, было интересно и полезно.

Из письма – ноябрь 1976 года:

«Недавно видел две твои работы на Беговой. Очень хороши, окружение запросто выдерживают и привлекают внимание. Надо сказать, что Алейников постарался, и экспонированы они прекрасно. Я сделал фото. Увидишь».

Из письма – июнь 1977 года:

«На этой неделе был на молодёжной выставке на Кузнецком. Молодёжь «усугубляется». Гвоздь выставки – Ситников и Булгакова. Ужасный «рафинад». До зубной боли. Картину А. Зинковского «Ударник», которую мы видели в мастерской, можно не заметить. Витя Глухов, Таня Сухомлинова. Вообще много девочек с автопортретами, выполненными с любовью…

<…> В Пушкинском выставка Стейлена – хороший художник. Чувствуется влияние О. Домье, Тулуз-Лотрека и каких-то немцев. Встретил там Володю Колтунова. Он один из немногих художников, которого регулярно встречаю в музее. Всегда интересно поговорить с ним. Только искусство его и интересует. Приглашал зайти к нему в Последний переулок. Жалею, что не смог.

<…> Побывал у В. Трифонова и смотрел его живопись, а ведь это В. Н. Вакидин, посмотрев его рисунки, посоветовал писать. Понравилось. Вова растёт, как «на дрожжах».

Мягкий и деликатный в общении с людьми, Кома был твёрд в отстаивании своих творческих принципов и убеждений. Способность систематически мыслить давала стройное представление об искусстве, базой которого является всеобщая человеческая способность чувствовать. И, когда Виктор Казарин в полемике отдавал цвету слишком большое «физиологическое» значение, Кома твёрдо не соглашался, аргументируя примерами из истории искусства, которую хорошо знал.

Из письма 14.06.77 года:

«Чувство присутствует в человеке естественным образом. Например, простор, теснота, тоска, одиночество или буйство жизни. Если это чувство есть, тогда поиск «мотива» приобретает более полный смысл. Чистый формализм всегда мешает, превращает рисование в машинальное, хотя и не плохое порой. Формальную задачу всё равно придётся решать. Но способ решения перестанет быть холодным расчётом. Я сделал московский пейзаж как-то машинально. Посмотрел дома – вроде неплохо, но что-то скучно. Хочется другого. Есть мотивы на Яузе, которые захватывают не формальным. Они впереди».

А цвет Кома очень волновал и он видел его, но только важнее была пластическая «цельность». О ней, о цельности, были все его заботы – будь то быстрый набросок, длительный рисунок, живопись. Композиция как основа цельного взгляда – вот задача. Иногда, шутя, говорил: «Эх, покомпоновать бы». Ему был свойствен поэтический взгляд на жизнь.

О цвете осени – в письме из экспедиции на Колыму, куда на три месяца он отправился после четвёртого курса в 1970 году:

«Ты знаешь, какого цвета золото. Так вот «золотая» Колыма в три дня стала зримо золотой. Да такой золотой, что червонная проба оказалась неубедительной и остались четыре цвета: жёлтый, красный, фиолетовый и синий со всеми возможными оттенками и вариациями и как лейтмотив – нежно-сиреневый, проходящий, переливающийся, объединяющий. И нельзя найти ни одного грубого открытого пятна, ни одной капли локального цвета, только сплавы, сплавы с золотом и серебром. И если бы был такой цвет – перламутровый, то это был бы он. Светит солнце, и он играет как врубелевская раковина, хмурится небо и золото наливается свинцом».

Круг Коминых друзей был обширен и разнохарактерен. В него входили и люди старшего поколения, и сверстники, и молодёжь. Редкое качество заинтересованности в людях без корысти, просто потому, что другой интересен. Умение выслушать, дать человеку

доверительно сказать. Иногда мне казалось, что в нём «спит» церковный исповедник, – так люди тянулись к нему. Ровный тон общения, не делающий различий по ранжиру – этому я была свидетелем всегда и везде. Никогда ни одного бранного слова, с бичом в экспедиции, слесарем из ЖЕКа, творческой интеллигенцией…

Возможно, это и называют «цельная личность».

Зачастую это были люди, столь взаимно далёкие, что, не будь Кома, они не встретились бы. Друзья детства и юности, художники, музыканты, композиторы, архитекторы, сходились у нас дома, на наших выставках, на музыкальных вечерах у С. Беринского и впоследствии на «музыкальном клубе» у нас в мастерской. Дети наших друзей стали нашими молодыми друзьями. И на общение со всеми у Кома всегда хватало времени. Большие собрания Кома предпочитал неспешному общению втроём, вчетвером. Тогда беседа не скользила по поверхности, но позволяла «зачерпнуть» поглубже. Очень ценил в общении глубокое знание профессионалов, будь то композитор, профессор-нейрофизиолог, строитель, архитектор, специалист по военной технике или художник.

Сентябрь 1970 года:

«Меня укусил суслик. Больно, до крови. Три дня не заживало. А было всё так. Шли мы по дороге. И вдруг слышим хулиганский посвист. Метрах в 20 впереди, у

обочины сидит столбиком «хулиган» и крутит головой. Остановились, стоим, как столбики, и думаем – за своих сойдём. Я стал отзываться. Этому я уже научился. Ну и сошли за своих. Пока я с ним беседовал о чём-то своём, Саня – напарник – сделал петлю на палке. Это нехитрая конструкция для ловли любопытных обжор. Я заговариваю ему зубы, те самые, которые оставили след на моём пальце, а Саня осторожно подкрался и стал надевать петлю на голову этому «порочному» созданию. Суслик разглядывал её тем временем, продолжая общение со мной. Возможно, делился впечатлениями. Рывок – и оба порока наказаны. Любопытство лишило его свободы, толстые щёки не позволили высвободить голову. Мы с добычей. Я хватаю болтающийся на этой удочке кусочек меха и всесторонне изучаю. Суслик перепуган и в полном замешательстве. Повертев его и так и эдак, я неосторожно подсунул ему палец. Ой! Вот и ещё один порок наказан – моё предательство. Пришлось отпустить это «чудовище». Справедливость восторжествовала. А палец я забинтовал, и теперь он зажил».

Хочется вернуться к началу. Нам всегда было интересно друг с другом. Не было супружеской скуки. Первое желание рассказать о новом впечатлении, творческой идее, нерешённой проблеме общения. Первый показ новых работ. Доброжелательно и строго, без давления, с желанием сохранить личностное. Я всегда чувствовала это доброжелательное, терпеливое отношение к себе – да

армейский Пьерро

и к жизни в целом. Вот письмо с военных сборов в 1969 году. На худ-графе была военная кафедра, и сборы были непреложны. Два месяца в разгар нашего повторного романа.

Август 1969 года:

«Вот и опять Калинин(Тверь). Калинин, обещанный на неделю, сколько будет, не знаю. Всё та же комната с «Пантократором» (чёрно-белая огромная голова Ленина, нарисованная на стене), тот же хаос, только спим вповалку на полу, постелив матрацы. Это впервые. Здесь многое приходится делать впервые – и особенно из того, чего не хотелось бы делать, но кое-что всё же и из желаемого, а это значит, что жить можно. Сегодня по дороге из лагеря набрали грибов и вот только что в полночь, под гимн Советского Союза съели похлёбку из оных с тушёнкой. Я отношусь спокойно к армейским метаморфозам, почти равнодушно. Это позволяет не получать чувствительных ран. Раны приходят с тыла. Я скучаю, очень скучаю. Стал видеть сны с твоим участием».

Кома про себя не раз говорил: «Я человек созерцательно-сентиментальный». Его мама Зина Степановна рассказывала мне, как в четыре года она обнаружила сына сидящим под лошадью, в ужасе схватила и на вопрос, что он там делал, услышала ответ: «Смотрел, как она переставляет ноги». Кома утверждал, что человек не меняется, только усугубляется с возрастом. Кажется, это так.

Июль 1969 года:

«Передо мной на столе лежит коробка, к которой здоровой швейной иглой приколота бабочка. Она должна украсить Андрюшину коллекцию. Она мелко дрожит крыльями и скребёт ножками. Напрасно. Против меня на нарах из грязных наструганных досок спит, накрывшись одеялом с головой и выставив к моему столу большие грязные сапоги, Игорь Тихомиров. Он проспит так два часа, и тогда я сменю его, а он пойдёт на пост… У меня в кармане томик Аполлинера, с которым я теперь не расстаюсь. Оказывается, его очень не хватало. Теперь всё в порядке».

Сижу одна на даче, все разъехались. Тихо. Пытаюсь собраться с мыслями. Трудно. Передо мной за окном липы, которые Кома рисовал бессчетное количество раз. Шутил, что он «липовый художник». Его любимые мотивы. Вот они.

Нет его, а на столе письма.

Софья и Елена Родионовы Н. Межникова
Челюскинская 1988 г.

Октябрь 1970:

«Скучаю без тебя сильно, любовь моя, очень скучаю. Ты уж не расстраивай меня, пожалей, а то десять тысяч вёрст и восемь временных поясов между нами, а больше ничего. Всё остальное с нами и в нас и при нас…

«Ваше благородие, госпожа Наташа,
У тебя прекрасный муж Комиссаров Саша».

Хочу, чтобы ты улыбалась сейчас, когда читаешь, и потом, когда вспомнишь. Пожалуйста, улыбайся».

Июль 1969 года:

«Здравствуй, маленькая!
Здравствуй, любовь моя!

Всё будет хорошо, ты же помнишь, какой я большой и сильный. Мы с тобой всё выдержим. Никто и никогда не знал меня так, как ты, Таточка, ты только никогда в этом не сомневайся. Если не верить себе, то кому же верить? Верь! Верь себе и верь в меня! Верь! Целую тебя. «Пенелопа» моя маленькая».

Так сижу и жду, читаю его письма, вышиваю и жду!

VII – VIII, 2016.
Наталия Межникова.

персонаж из пьесы 2003 г.

Как быстро летит время, как будто шепчут тебе на ухо: «Не спи, не спи художник, не предавайся сну». И вот уже за «дружеским столом» ещё одно пустое место и это место, может быть, одно из самых близких, почти рядом с тобой.

С Сашей мы познакомились на Худграфе в МГПИ им. Ленина в 1974 году, когда я, по приглашению А. П. Суровцева, пришёл туда преподавать. Но знал я, кто такой А. Комиссаров, гораздо раньше.

Я поступил в институт в 1969 году. От ребят, с которыми учился, а также от Славы Бронина, с которым дружил, узнал, что в институте учатся интересные ребята, и не грех посмотреть, как они работают. На пятом курсе это были В. Устенко, Р. Лебедев, В. Орлов, Д. Белоцветов, Е. Тыкоцкий, М. Мельников. На третьем А. Комиссаров и А. Зинковский, В. Казарин.

Я был знаком со всеми, но подружился только с А. Комиссаровым. Позже Саша познакомил меня с В. Трифоновым.

Будучи студентами, ребята пытались творчески работать и буквально рвались участвовать в молодёжных выставках МОСХа, которые, в те годы пользовались у зрителя, особенно молодого, колоссальным успехом. Художественная жизнь зрителя в Москве кипела и бурлила. Входили в силу 60-десятники, многие из них были в правлении МОСХа и СХ СССР. Одновременно росла популярность андеграунда.

двойная модель, б.к. 20х14 см

Мы рвались посещать и те, и другие выставки, и даже бывали на квартирных. Безденежье не пугало. Страшно хотелось участвовать. Но как-то так случилось, что мне, Саше и В. Трифонову, выбрать в учителя (я имею в виду не только тех учителей, которые преподавали в институте) удалось именно тех, кто открыл нам глаза и показал нелёгкий, но правильный путь, по той тернистой дороге, по которой мы шли всё это время.

У Саши это были А. Алейников, В. Вакидин, В. Колтунов. У меня А. Суровцев, Э. Браговский, А. Папикян, П. Никонов.

Если говорить о предпочтениях среди художников прошлого, великих мастерах, Саша восхищался Энгром, Коро (портреты), Дега, меня волновали импрессионисты. Сезанн.

Позже круг любимых художников заметно расширился.

Сейчас я часто сталкиваюсь даже с профессиональными художниками, которые чуть ли не с презрением относятся к рисованию с натуры или писанию этюдов. В лучшем случае они начинают сочинять то, чего там нет, и никогда не было. А студенты в институте с неохотой пишут обнажённую модель.

Мы с Сашей и сдружились в институте на почве любви к рисованию с натуры. Объяснив мне как не тушёвкой, а простой линией, которая то толще и жирнее, то тонкая и еле видимая выстраивает большую форму в пространстве

В. Глухов В. Трифонов А. Комиссаров на Сходне 1986 г.

листа. Саша буквально открыл мне глаза, после чего я стал получать от рисования не только мучение, но и удовольствие.

Но на этюды мы с В. Трифоновым Сашу вытянуть так и не смогли. Саша отшучивался и приводил в пример высказывание Э. Дега, который советовал жандармам отлавливать художников, шагающих с этюдниками по дорогам провинции. Саша настаивал на том, что надо тренировать зрительную память, которая поможет тебе в мастерской воспроизвести то, что ты увидел и посчитал важным в натуре. Это конечно очень важное для художника умение. Но, мне кажется, что далеко не все профессиональные художники обладают этим свойством в равной степени. Я, например, обладаю этим не очень, но зато чувство импровизации и одновременно верности натуре позволяют мне получать удовольствие, рисуя пейзаж с натуры. А вот мои дети Саша и Максим, тоже художники, обладают хорошей зрительной памятью, что помогает им в работе без натуры. Видимо, выучка Суриковского института.

Жизнь так сложилась, что последнее время с Сашей виделись не часто, он болел, я утонул в общественной работе. Но, когда виделись, то за рюмкой «чая» начинался жаркий, но очень важный разговор о том, кто мы, куда идём и зачем всё это нужно.

К слову сказать, меня трудно раскрутить на такие разговоры, а вот с Сашей было интересно.

После таких встреч, работая над очередной картиной, я мысленно возвращался к нашим спорам-разговорам пытаясь понять, в чём был прав я, а в чём он.

У меня дома есть уголок, где я по вечерам читаю или просматриваю альбомы любимых художников. На стене висит небольшой натюрморт, подаренный мне Сашей. Это не «моя» живопись, она другая, сделанная по другим канонам и принципам. Но я часто перевожу взгляд. Её хочется долго рассматривать, она не надоест. Может быть, это и есть одно из самых важных качеств, которыми должны обладать произведения искусства.

Несколько лет назад мы с женой были на одной из Сашиных персональных выставок, кажется, это было в небольшом кафе, где-то на Пречистенке. Помимо других работ, Саша показал серию натюрмортов с луком и чесноком. Мне работы понравились, и я тоже решил попробовать и сделал серию работ «Лук, чеснок, рыба». У нас получилось какое-то негласное соревнование. Эти, казалось бы, скромные предметы возбудили такой интерес, дали простор для воображения, позволили поставить и попытаться решать в небольших размерах холста большие формы, композиции, пространства, осуществляя попытку, каждый раз сделать интересную, непохожую на прежнюю работу. Может быть, когда-ни будь, если позволит Наташа (жена Саши) и наша близкая подруга, попытаться сделать выставку Саши и мою на эту

Вера Дрезнина 1985 г.

интересную тему и назвать её «Восхищение Чиполлино».
Кто знает, может быть получится и будет интересно.

Март 2016

Художник В. Глухов.

на Сходне у Иры и Вити Глуховых 2006 г.

М. Петрова и А. Комиссаров 1965 г..

Выполняя свое предназначение, но совсем некстати, задребезжала «память» мобильника и крохотный экран высветил текст: «20 января 2016 года. Юбилей С. Комиссарова».

Так бывает – готовишься к празднику, а приходит беда! Дверцы ритуальной машины захлопнулись, разделив мир на два пространства: наше, его друзей, скорбно стоящих на заснеженном, усыпанном опавшими лепестками цветов церковном дворике, и Его – одинокое, безграничное и безмолвное. И только где-то посредине между этими пространствами метался, не находя себе места, живой подранок памяти, тоски и нежности.

Так бывает… Но бывает и наоборот. «Наоборот» случилось в том самом году, когда я познакомилась с Сашей Комиссаровым. В том 1956 году, изменившем мою жизнь, жизнь моей семьи, моих будущих друзей, да и всей моей огромной страны.

1956 год. ОЖИДАНИЕ. ОТТЕПЕЛЬ.

Беда, обрушившаяся на нашу семью, хотя и предполагалась моей мамой в ее домашних монологах по поводу «так называемых жилищных условий, от которых вся семья скоро вымрет», все-таки не казалась реальной.

– Я не могу понять, – возмущалась она: – как это? Ответственный руководитель реставрационных работ в Кремле, председатель жилищной комиссии в Союзе

архитекторов... Неужели нельзя ничего сделать, куда-нибудь написать?...

– Я уже написал однажды, – тихо отвечал папа.

– О! Это я в курсе! Странно, что еще жив остался и нас всех с собой не прихватил! Но сейчас уже не 50-й год!

– А дело живет...

Через много лет я прочитала в документах моего отца черновик того, о чем шла речь. Это был его ответ в политуправление Кремля по поводу обвинения в космополитизме. На глупые безграмотные обвинения угодливых власти доносчиков отец ответил «эзоповым» текстом, продемонстрировав блестящее владение распространенными в то время пропагандистскими клише, «разбавленными» авторскими вставками, превращающими эти клише в смехотворную глупость. Эффект был столь ошеломительным, что «Хозяин» сам захотел взглянуть на «этого отличника политучебы», с целью чего в одну прекрасную ночь отец был вывезен в Кремль и, к счастью, доставлен обратно домой. Несколько слов в этом «эссе» было посвящено и нашему жилью:

«...То же самое и о других странах Западной Европы: ни в одной из них я не был, но по литературе знаю о трущобах лондонского Ист-Энда, о жалком виде жилищ студенческого и богемного Монмартра и целом ряде других окраин Парижа, о зловонии рабочих кварталов итальянских городов, о собачьих хижинах американ-

ских рабочих, о тысячах безработных, ночующих под Бруклинским мостом или на набережных Нью-Йорка.

Признаю, что в полемическом пылу мною была допущена ошибка в отношении термина “трущобы” применительно к Москве сегодняшнего дня…

…Термин “трущобы” был применен мною неправильно, для усиления впечатления, ибо, по существу, в него необходимо вкладывать определенный социальный смысл. Трущобы есть порождение определенных классовых отношений в эпоху капитализма…

… В поданном на меня донесении тт. Т. и М. сознательно или бессознательно, но совершенно неправильно изложено мое выступление о моих жилищных условиях. Они утверждают, будто бы я говорил, что “такой архитектор, как я – и живет в таких условиях”. Такого, мягко выражаясь, нескромного заявления я не делал. На самом деле, когда меня пытались уверить, что краски мной сгущены и что таких кварталов, о которых речь шла выше, сегодня в Москве не существует, я, в качестве примера, указал на дом, в котором живу сам. Мой дом находится в 10-15 мин. ходьбы от Кремля; старый, деревянный, одна стена у него отваливается, потолок в одной из комнат отвалился 2 года назад. Сам я в настоящее время живу с двумя маленькими детьми (а всего нас 5 чел.) в двух маленьких покривившихся комнатах – одна 7м, совершенно темная, другая 6м, требует круглосуточного освещения…»

У меня-то были свои переживания по поводу «жилищных условий». Во-первых, надоело постоянно ходить в пальто и в валенках с тяжелыми галошами, так как температура в доме опускалась до 7 С, а в углу, у наружной стены нередко выступал иней. А во-вторых, из-за вечно пьяного соседа-дебошира Лизунова были ограничены мои перемещения по квартире (только в туалет и обратно, и только в галошах!). В третьих, мне было запрещено приводить в дом подружек – мало ли что?!

Но сейчас, в эту новогоднюю ночь наступающего 1956 года, все переживания отодвинулись далеко-далеко, они просто перестали существовать, и все мое существо заполнила одна беда – в больнице умирала мама. «Страшный диагноз... Она обречена, но все равно решили делать операцию...» – эти перешептывания взрослых в расчете на то, что я по-детски не понимаю происходящего, вгоняли меня в состояние отрешенности и полного одиночества. И еще было жалко папу. Он так ничего и не сделал, чтобы уберечь маму. Не смог. Сидел, опустив голову, и как бы разглядывал принесенный мне из Кремля подарок от Деда Мороза – невероятного размера марципановый пионерский значок, поперек которого шла надпись «ВСЕГДА ГОТОВ!»

Пьяный гул за стеной внезапно стих, сменившись на патефонно-шуршащую Клавдию Шульженко – « О, голубка мо-о-я!..», и, перекрывая ее, раздался то ли визг, то ли вопль :

– УБИ-И-И-ЛИ!!!

Топот в коридоре, голоса – «скорую, скорую!», «милицию!», «а-а-а-а !».

– Сиди тихо! Никуда не выходи! Лучше я тебя закрою в комнате, – вскочил с места отец и быстро вышел в коридор.

Прошла вечность до того момента, когда в двери щелкнул ключ и вернулся папа. Мне было страшно.

– Так, – сказал он – Лизунов убил ножом своего брата. Это уже слишком.

Достал листки писчей бумаги и начал что-то писать.

– Что ты пишешь? – спросила я.

– Пишу фельетон в твой любимый «Крокодильчик».

В нашей семье все потешались над придуманным мной ритуалом. Как только почтальон опускал в почтовый ящик журнал «Крокодил», я тут же заставляла папу сесть рядом и просила: объясни «Крокодильчик»! Это длилось довольно долго. Мне нравились смешные картинки, смысла которых я не всегда понимала. А еще больше мне нравилось смеяться вместе с папой! И. когда он ласково упрекал меня в том, что я хитрованша и давно уже сама все понимаю, что мне просто нравится «процесс совместного веселья», я, отводя подозрения, упрямо повторяла – «нет, нет, пока еще не все!».

Вот, после этого фельетона и начались чудеса. Сначала пришла какая-то группа молодых веселых журналистов, потом одна за другой зачастили комиссии, мама перенесла семичасовую операцию и, на удивление врачам, потеряв сорок килограммов веса, продолжала жить... И однажды, в воскресенье, пришедшая, как обычно, помогать нам по домашнему хозяйству в этот тяжелый период мамина подруга, тетя Аня, сказала:

– Ну, хватит грустить! Все будет хорошо! Мама поправится, я верю. Вы получите новую квартиру, перевезете туда маму. У тебя будет много друзей, и они будут приходить к тебе в дом – и будет весело и хорошо! А теперь одевайся, пойдем на утренний сеанс в «Колизей». Отличный фильм, «Карнавальная ночь» называется – вся Москва по десять раз уже пересмотрела!

Так я давно не хохотала! Веселая толпа вывалилась из кинотеатра на улицу – и я зажмурилась от яркого солнечного света! Деревья на Чистых прудах еще стояли по колено в снегу, но каток уже не работал. Сквозь разверзшийся набухший снег проглядывали мокрые черные блестящие проталины асфальта.

– Смотри-ка, тетя Ань! Уже весна!

– Да нет еще... пока.

Я с силой ударила тяжелым валенком в ненавистной галоше по грязному снежному месиву и объявила:

– Ну, значит, «оттепель»!

НОВЫЙ ДОМ

Оттепель чувствовалась во всем. Не только в каждодневном прибавлении света и тепла. Мне казалось, что изменились люди – они стали больше разговаривать друг с другом, больше улыбаться. Как будто исчезла какая-то внутренняя преграда или боль... А может, мне это все казалось? Может быть, в моих ощущениях сказывалась атмосфера переезда на новую квартиру – меня окружали такие же счастливые, радостно озабоченные предвкушением новой жизни люди, наши новые соседи.

Дом был замечательный. Предполагалось, что он будет памятником советской архитектуры – и не без оснований. Первый экспериментальный крупнопанельный жилой дом в Москве со встроенным в панели отоплением, «диво-дивное» – встроенная кухня с белоснежными шкафами и разделочным столом с естественным холодильником, просторные шкафы в шлюзе напротив ванной и туалета, а над ними перекрывающая это внушительное пространство огромная сквозная антресоль с выходящими на две стороны (кухню и основной коридор) с многочисленными дверцами. Презентабельный характер квартиры обеспечивала трехметровая высота и довольно большие размеры жилых комнат. Наружное оформление здания также подчеркивало его новизну и особенность: балконы с чугунными витиеватыми подставками для цветочных горшков, дубовые с элегантным рельефом входные двери парадных.

Центральный семиэтажный корпус и два боковых пятиэтажных крыла образовывали небольшой курдонер, в который от главного входа спускалась парадная лестница. Высокие четырехскатные кровли корпусов, покрытые красной черепицей, безотчетно превращали в реальность сказочные представления о замках из книжек братьев Гримм. Одним словом, прообраз будущего массового панельного строительства производил неизгладимое впечатление.

Дом был спроектирован архитектором Зоей Николаевной Нестеровой (матерью будущей известной российской художницы Натальи Нестеровой). Заказчиком дома была Академия архитектуры СССР, а подрядчиком – какая-то военная строительная организация. Заселение дома состоялось в 1956 году, при этом квартиры были распределены строго пополам, по оси центрального корпуса: левую часть заняли архитекторы, правую – военные. Подчиняясь этой схеме, в разных корпусах дома и оказались соседи-одноклассники: я и Саша Комиссаров – в левом крыле, Ирочка Котова и Сережа Манкевич – в правом, в центральном – Саша Крутов.

При переезде меня ожидали три сюрприза.

Первый человек, которого я увидела при входе в дом на первом этаже, был хорошо мне знакомый по пионерскому лагерю горнист Володя. Он был старше на несколько лет, но тоже обрадовался нашей встрече. «Ну вот, – улыбаясь, сказал он, – теперь будем жить вместе.

А это мой младший брат, будете друзьями!». Рядом с ним стоял худенький, высокий, с короткими вьющимися волосами и очень похожий на Володю мальчик. Это был Саша Комиссаров. Второй сюрприз поджидал при входе в нашу квартиру. Вдоль всего длинного коридора, ведущего в «анфиладу» из двух смежных комнат, тянулись на всю трехметровую высоту стеллажи с книгами. «Чьи это книги? – спросила я недоуменно папу. Он засмеялся: «Мои, мои! Просто я их хранил на работе, их некуда было ставить!» В своем десятилетнем возрасте я уже видела многие и разные квартиры, но ни в одной из них не встречала таких больших домашних библиотек. И, наконец, войдя в первую комнату, я увидела десять, стоящих в ряд у стены, новеньких и очень красивых стульев. Казалось, они терпеливо кого-то ждали…

Улица, на которой возник наш дом, изначально называлась 6-я улица Октябрьского поля. Теперь у меня есть даже веское документальное подтверждение этого факта, запечатленное в ностальгической дарственной надписи депутата Московской городской Думы Александра Николаевича Крутова (в миру – Сашки Крутова, «Князя», из центрального корпуса) на стр. 28 издания органа законодательной власти столицы России – «Марине Львовне в память о шестой улице 21.11.08».

Одна сторона этой «шестой» улицы (теперь ул. Маршала Бирюзова) была застроена послевоенными кварталами добротных высоких кирпичных домов. На нашей

же стороне, уходя в глубь территории, тянулись ряды 1- и 2-этажных бараков со случайными вкраплениями построенных пленными немцами оштукатуренных малоэтажных домов и тоскливыми зданиями из силикатного кирпича. Непрезентабельный характер застройки дополняла территория небольшого завода «Энергоприбор», являвшаяся основным местом приложения труда для жителей квартала. Центром этой умопомрачительной градостроительной структуры был деревянный клуб «Октябрь», объявленный впоследствии памятником архитектуры и благополучно сгоревший в постперестроечный период при расчистке территории под новое строительство.

Новая школа № 147, возникшая позади нашего дома, объединила юных обитателей всех этих разностилевых архитектурных и социальных образований 1 января 1957 года.

Вот такой был «ареал» возникновения нашего биовида, не получившего впоследствии ни романтического определения «шестидесятники», да и никакого другого, вошедшего в историю определения. Разве что, пространного «счастливого послевоенного поколения», иногда, правда, уточненного «поколения 1946 года». Имелось в виду, что у нас у всех, по определению, были живы отцы. Среди нас не было сирот, мы изначально были равны в самом главном, и это во многом определяло наше мировосприятие. Но что-то было до нас, и даже,

когда мы появились, что-то тяжелое и таинственное довлело в отношениях между людьми. Родители предупреждали: «Никогда не спрашивай – где твой папа? Не надо этого делать, на всякий случай». Что это был за «случай»? Но я и не спрашивала. Поэтому я до сих пор не знаю, почему у моего близкого друга Саши Комиссарова не было отца, почему была только строгая «без рассюсюкиваний» мама Зинаида Степановна. Там был свой «случай». Знаю одно – эти случайности накладывают свою печать на нашу судьбу, характер отношений с другими людьми и вообще на наши представления о жизни во всем ее многообразии. Это как случайные рефлексы на простом граненом стакане с горькой прозрачной жидкостью, погружающие нас в разноцветье окружающего пространства... Но откуда нам известно, что жидкость – горькая?

ДРУЗЬЯ

Десять новеньких стульев пригодились. Мой дом наполнился друзьями. Во время моих бесконечных ангин приходили «навещать» всем классом. Мои родители только радовались, понимая наше детское стремление к неформальному общению. Оба они в юношеские годы были инструкторами по туризму в знаменитом в 20х-30х годах «ОПТЭ» – обществе пролетарского туризма и экскурсий, и поэтому воспринимали эти набеги как естественную необходимость, условие зарождения будущих добрых и, возможно, продолжительных взаимоотношений, нередко сопровождающих нас всю жизнь.

М. Петрова и А. Комиссаров 1965 г.

Папа, в свойственной ему ироничной манере, улыбаясь, замечал: «Неплохо было бы составить календарный план натирки полов…». Этим замечания исчерпывались. С годами менялся состав нашего класса, постоянным становился близкий круг моих друзей. Чего мы только не творили в нашей квартире! Придумывали карнавальные костюмы к новогодним вечерам, кроили и шили (по секрету от мальчишек) платья к «Ситцевому балу», а наши мальчики потом выбирали «королеву красоты», придумывали сценарии «голубых огоньков» с музыкой, песнями, кофе и пирожными и т.д. и т.п. Надо сказать, что эти развлечения в основном касались нашей девичьей компании – 4-х неразлучных подружек, за свою неуемность и активность прозванных в школе общим кратким названием – ТыКВиПет (Тамара Тыклина, Галя Кирицева (Кира), Галя Виноградова (Винька), Марина Петрова). Участниками и свидетелями наших посиделок были два представителя мужского пола – мой папа (в редкие дни, когда удавалось раньше придти с работы) и Саша Комиссаров, по-соседски заглядывающий ко мне почти каждый день. Иногда они помогали нам с художественным оформлением наших бесконечных задумок, а иногда брали какую-нибудь книгу из библиотеки, садились рядышком и вместе смотрели иллюстрации. Мне нравилось наблюдать за ними, нравилось, что папа так просто находит общий язык с моими друзьями, нравилось, что Сашка так внимательно его слушает. Я про себя улыбалась: «А-а! Объясни “Крокодильчик”! Знаем, знаем!».

Сашкины «приходы» неизменно вызывали воодушевление у моих подруг. Сказать, что Комиссаров вообще нравился девочкам, – ничего не сказать. Дело в том, что он нравился всем девочкам! Самым разным по характеру, поведению, «выходным» данным, интересам, самооценке! При этом он не отличался особенной красотой, скорее наоборот, черты его лица были далеки от совершенства – неправильный, чересчур удлиненный овал лица, усиленный нервной линией крупного носа и тяжелым подбородком, небольшие, посаженные «домиком» глаза, беспорядочные короткие кудряшки, нередко с каким-то выпущенным на лоб ни к селу ни к городу чубчиком. Положение спасал высокий рост и стройная подтянутая фигура. Сашка много читал, но этот факт никак не отражался на его успехах в учебе, он был катастрофически неграмотен – что вызывало сложности со школьными сочинениями. Да и по другим предметам, мягко говоря, он не блистал, словом «отличником учебы» он не был. Все перечисленное, однако, переставало иметь какое-либо значение, когда он начинал разговаривать с вами. Его манера общения создавала как бы невидимую ауру воздействия на собеседника. Устремленный на вас сосредоточенный и внимательный долгий взгляд, сопровождавшийся доброжелательной улыбкой, располагал к абсолютной свободе в выражении своих чувств и мыслей, намекая на возможность возникновения особого понимания друг друга. Тихий голос и длительные паузы в диалоге

производили окончательный и сокрушительный эффект. Доходило до смешного – были бывшие одноклассницы, давно покинувшие нашу школу по тем или иным причинам, которые обрушивались на меня (как к главному консультанту) с просьбой «научить понравиться Саше Комиссарову и приходить ко мне, чтобы встречаться с ним». Во как! Это же феномен!

пианистка Э. Теплухина, б.к. 10х14 см

Это действительно был феномен. Потому, что этот стиль общения не был искусственным, благоприобретенным. Не было в его поведении ничего придуманного – он с этим родился. И когда позднее я (чтобы поиздеваться над ним) замечала, что он использует в разговоре паузы как заправский актер или священник, оставляя собеседника в состоянии ожидания разъяснений, и, подзадоривая, говорила: «Тебе просто нравится интриговать и нравиться!», Сашка грустно отвечал: «Разве это так плохо – нравиться?»

И, правда, давно и не нами было замечено, что «стремление нравиться позволяет возвыситься над грубым себялюбием первобытного человека». Ну, что здесь скажешь?

КАК БЫ ВЗРОСЛЫЕ

Он любил рисовать. Рисовал везде и всегда – дома, на уроках, во время своих соседских «визитов» ко мне. Надо признаться, что к его творчеству я относилась более чем сдержанно. Мой натасканный на иллюстрациях из аль-

бомов и книг окружающей меня библиотеки отца взгляд не позволял не заметить несовершенство его рисунков. Его первые пробы в масляной живописи приводили меня в откровенное уныние, которого нельзя было показать, выплеснуть наружу – чтобы, не дай бог, не обидеть. Было понятно, что Сашке нужна какая-никакая, но школа. Но о какой «школе» могла идти речь, когда из обычной-то школы он ушел недоучившись, перешел в вечернюю и начал работать – видно, дома было совсем тяжело. Он никогда не жаловался, и вопрос «зачем» и «почему» никогда не обсуждался. И так было все понятно.

На фоне бодрой подготовки его бывших одноклассников к поступлению в институты, посещения подготовительных курсов и специальных занятий Сашкина судьба вырисовывалась смутно. От этого периода у меня сохранился маленький рисунок – Икар, устремленный вниз с растаявшими восковыми крыльями. Мне не нравилась эта его обреченность. Приходилось гнать от себя мысли о несправедливости устройства – чего? Не знаю чего.

пианистка Маки Сан, б.к. 14х10 см

Я пару лет посвятила хождению на подготовительные курсы в Архитектурный институт, занималась черчением и рисованием. Свободного времени для посиделок практически не оставалось, еле-еле я успевала выполнять домашние задания по черчению, но и эти короткие часы мы проводили вместе с Сашкой – я чертила свои бесконечные форматки, а он рисовал или читал что-нибудь в уголке. Таким образом, мои планы на будущее

были вполне определенны, о Сашкиных планах речи не заходило.

Сюрприз был неожиданным. Мы не виделись две недели – я сдавала вступительные семь экзаменов в МАРХИ. Через день. Упомянутое счастливое поколение 1946 года рождения внесло свои коррективы в процесс приема в институты. Нас было слишком много, и Архитектурный институт, не вместивший в залы для рисования подавших заявления абитуриентов, впервые в истории МАРХИ первыми экзаменами назначил письменную и устную математики (на них и «срезалась» половина поступавших). По ходу дела я не только получила две пятерки, но и написала контрольную работу неизвестной соседке справа (тоже на отлично) и ей же написала ответы на устном экзамене.

Комиссаров пришел поздравить меня с поступлением в институт.

– А знаешь, – как будто, извиняясь, сказал он – я ведь тоже сдавал экзамены в МАРХИ, но завалился на математике…

– ????????? – я не знала, как реагировать на подобную новость.

Ну, хоть намекнул бы, хоть бы словом обмолвился о таком варианте поступления – я бы, конечно, сделала все от меня зависящее, чтобы помочь ему. Но нет! Ни слова!

Я не думаю, что это была какая-то гордость. Скорее всего это решение было неожиданным для него самого, просто не захотел отставать от своих сверстников и решил попробовать «на ура» – вдруг получится? При этом, наблюдая постоянно за моими «штудиями», прекрасно сознавал, что рассчитывать на поступление особенно не приходится. Зато, если бы волшебным образом этот номер прошел, как здорово было бы, так небрежно, между прочим, сказать: «Я тоже поступил – туда же!». Сашка любил сюрпризы подобного рода. Можно даже сказать, что это было его поведенческой особенностью – ненавязчиво акцентированная самодостаточность.

Впереди были еще пять лет из тех десяти, про которые Сашкина мама Зинаида Степановна говорила: «Не понимаю, где он живет – у тебя или со мной!». Наши «соседские» отношения не перечеркнули появившиеся новые институтские друзья, наоборот, исчезновение школы как объединяющего центра притяжения бывших одноклассников привело к новому качеству взаимоотношений, уже более взрослых и самостоятельных. Образовалась довольно большая компания, в которую неожиданно и органично влились новые друзья Саши Крутова из Московского авиационного института – Володя Кенарский и Саша Шеленков. Они в МАИ организовали какую-то математическую школу для юных талантов, на этой основе сблизились и уже крепким сформировавшимся звеном стали неотъемлемой частью

нашей прежней компании. При абсолютно автономной новой «взрослой» жизни, разных профессиональных интересах и новых друзьях оставался объединяющий дух нашего «оттепельного» времени: романтика, увлечение путешествиями, любовь к музыке и стихам, бесконечные обсуждения появившихся в «Иностранной литературе» или в «Юности» новых произведений и т.д. и т.п.

Комиссаров тем временем научился играть на гитаре. Это было кстати – мы, так же, как и все наше поколение, были накрыты волной авторских и туристских песен и все, как один, собирались ехать «за туманом, за туманом и за запахом тайги». И не только в тепле наших квартир под уютное мерцание свечи и разлитого по чашкам и стаканам дешевого портвейна или «Токая». Наша мужская половина регулярно отправлялась летом путешествовать в Карелию. Я же увлеклась архитектурными обмерами и каждое лето уезжала в Сибирь, в район затопления строящейся в это время Усть-Илимской ГЭС. Эта работа была связана с организацией на Байкале музея деревянного зодчества, в который впоследствии и были перевезены обмеренные, разобранные и вновь собранные памятники архитектуры. Так что распутинская «Матера» вошла в мою жизнь не как литературное произведение, а в качестве обязательного пункта обследования на рабочей карте, когда деревню уже покинули все жители.

Вот в эти летние ежегодные отъезды и возникла переписка с Сашей. Я люблю его письма и храню их.

группа «лучшие из отбросов» 1967 г.

Почему-то именно в письмах Сашка становился сам собой, откровенным, трогательным, без так нелюбимой мной «акцентированной самодостаточности». В письмах исчезала возможность применения им излюбленного приема в ведении диалога, когда в ответ на высказанную мысль или фразу его визави Сашка неожиданно отворачивался, произносил небрежно в пространство ничего не значащее «ну, да» и переводил разговор на совершенно другую тему, оставляя собеседника в дурацком положении. Этот прием был всегда рассчитан на реакцию и присутствие «третьих лиц», при этом он вряд ли знал, что этот метод давно описан в специальной литературе как «способ одурачивания противника». В письмах все было по-другому – там не было «третьих лиц». Он присылал мне наброски своих стихов (чего при непосредственном общении никогда не случалось) – и через эти стихи я точно знала о его настроении и состоянии его души, часто грустном и невеселом.

ПИСЬМА.

В августе 1966 года Комиссаров поступил на художественно-графический факультет Московского государственного педагогического института. Я была счастлива – так долго и мучительно, так неопределенно и растянуто во времени проходил этот процесс «поступления» – и вот, свершилось! Ему было, конечно, очень трудно, но он справился! У него появились, так же, как у нас всех, новые институтские друзья, исчезла скрываемая за

А. Крутов и А. Шеленков 1964 г.

шутливостью и иронией неуверенность, он спокойно и открыто выражал свои чувства и переживания. Мне нравились эти изменения.

г. Иркутск, главпочтамт (до востребования), Петровой Марине Львовне.

18. 8. 68. После практики на Кавказе.

Здравствуй, любовь моя, друг мой Марина!

Начну прямо с того, что скучаю очень. Вышло досадно. Я-то приехал в Москву 31-го вечером. А Кира сказала, что ты уехала 1-го. Ах, как я сокрушался.

Практика моя прошла средне. Работ хороших нет. Но зато много восторгов. Горы, в небольших дозах, вещь очень симпатичная. Сверх того, что я уже писал оттуда, побывал под самым Эльбрусом, у подножья. Великолепное было путешествие. На обратном пути попали в грозу. Гроза в горах – вот чудо. В общем, горы я запомнил.

Приехал домой и узнал, что по гнусному стечению обстоятельств у меня нет денег на август. По этой причине сижу в Москве. Немного скучно. Читаю и работаю. Пишу Кирин портрет.

Ну, и всякие натюрморты. Мы с Кирой хотим сделать и еще один ее портрет. Правда, если успеем. Скоро учиться. У меня совсем нет моделей – все друзья разъехались. А с каким желанием и удовольствием я бы сейчас исполнил твой портрет. Трудно высказать. Я не знаю, когда ты приедешь, а то, может, успеем до занятий.

Собирался поехать к Князю в Ковров, да, все по той же причине отсутствия финансов, не смог. Пишу ему письма.

Помня твое письмо в Карачаевск, посмотрел «Еще раз про любовь». Красиво (похоже на 3 серию «Старшей сестры»). Ну, о себе все.

Беспокоюсь за тебя. Как ты там переносишь тяготы и невзгоды? Да к тому же еще и ЗК. Ты уж поосторожней. Если позволишь – маленькая просьба. Прихвати для меня какую-нибудь деревяшку (посимпатичней).

Целую. Авель.

P. S Передай привет товарищам по несчастью.
P. P. S Мое личное рукопожатие Маликовой.

ПОЧТИ ВЗРОСЛЫЕ

До портрета дело так и не дошло. Закрутилось, завертелось – и у каждого свое: у кого – подготовка к защите диплома, у кого – уже настоящие романы, а у кого – и свадьбы. Первым «остепенился» Юрка Федосов, и его маленькая заботливая Надя стала сразу полноправным членом нашей компании. Впоследствии так было с каждым «вновь пришедшим» со стороны. «НАШИ» оставались «НАШИМИ» со всеми добавлениями и изменяющимися обстоятельствами, а если вдруг кто-то исчезал на продолжительное время, к этому относились с пониманием («чувак увлекся!») и уверенностью в его возвращении. Адрес «возвращения» был тот же.

дуэт с Ю. Федосовым 1963 г.

По-прежнему двери моей квартиры были открыты для моих друзей, по-прежнему по вечерам раздавался звонок и на пороге появлялся Сашка, а за ним и еще кто-нибудь, и еще…

Идея написать мой портрет Комиссарова не оставляла. Он все время делал карандашные наброски, искал повороты фигуры и композицию – но его все не устраивало. «Давай, давай! Рисуй больше – тебе это полезно, а то больно много врешь в рисунке! Ты же пока не Дега, чтобы ноги росли неизвестно откуда!» – я искренне хотела какого-то прорыва в его творчестве. Он не очень любил писать пейзажи, его натюрморты носили учебный характер, но всегда с удовольствием писал портреты, «живую натуру» – и здесь необходимо было свободное владение рисунком. Свобода приходила с трудом – не только с его трудом, но и с моим – я «замирала» по его требованию, придумывала позы и ракурсы, а он рисовал и рисовал…

В ЗАГС на бракосочетание Комиссарова и Наташи Межниковой я пришла заблаговременно. С огромным букетом цветов. Но в небольшом зале ожиданий стояла какая-то пара новобрачных, окруженная своими родственниками и друзьями, да чуть поодаль – группа незнакомых парней в количестве 5-6-ти человек. Я решила подождать на лестнице, перед входом в зал ожиданий. Тут же на лестницу выбежал один из этих парней: «Вы Марина? А Комиссаров еще не приехал, идите к нам!».

Я подошла к незнакомцам: «А как вы определили, что я – это я?» Ребята заулыбались: «А вас у нас все знают. Комиссаровская работа «100 набросков с одной натуры» наделала много шума! Как же не узнать?!» – ?????? О такой «работе» я слышала впервые. Сюрприз удался на этот раз.

Очень скоро наступила и моя очередь. Сашка явился во Дворец бракосочетаний на ул. Грибоедова, очевидно, тоже заблаговременно. Успел выдрать из облицовки парадного зала ожиданий квадратную деревянную плитку и на обороте написал: «Любить – не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении. А. де Сент-Экзюпери». Я храню его свадебный подарок.

НАПРАВЛЕНИЕ

В который раз мы всей развеселой компанией поднимались на верхний этаж по лестнице хорошо известным всем маршрутом к Сашкиной квартире. И эта необычная, уютная, двусветная квартира-ателье, готовая принять в любую минуту огромное количество друзей, и её обстановка, рассчитанная и на творческое уединение, и на занятия с учениками, и на семейное застолье,– всё это безотчетно входило в его «направление» в жизни. Главным условием было разлитое во всех оттенках простое слово «любить» и объединенное таким же простым и ласковым словом «Татуша».

модель 3, б.к. 20х14 см

«Татуша» – Наталья Межникова, его жена, несмотря на некоторую кажущуюся субтильность, обладает сильным и целеустремленным характером. Она талантливый и очень интересный художник Неожиданные повороты в её творческих поисках не перестают удивлять. Она в своей художественной направленности является как бы антиподом Сашки с его реалистичным языком.

На фоне расцветшего буйным цветом в 70-х годах мирового постмодернизма (когда возможным стало всё), да еще и подкрепленного неожиданной перестроечной свободой 80-х на местном уровне, удержаться в рамках традиционной реалистической школы было практически невозможно. Впрочем, хаос художественных направлений, оформившийся в художественный образ эпохи, уже давно прекрасно описан в романе Максима Кантора «Учебник рисования», и даже названия отдельных его глав точно передают сложность и суть проблем, вставших в эти тяжелые годы перед каждой творческой личностью: «Призрак революции», «Семейные узы», «На продажу», «Тотальная инсталляция», «Актуальное искусство» и т.д. Мне понравилось короткое замечание одного из персонажей романа в споре о «второй волне» авангарда: «авангард вторым не бывает».

Не знаю, какие споры и разговоры были между Наташей и Сашкой об изобразительных средствах, о выборе сюжетов их произведений, о стилевой направленности – но они, безусловно, были. Их не могло не быть.

Знаю одно: безмерное уважение и любовь друг к другу позволили сохранить каждому из них самое ценное в творчестве – личностное самовыражение.

Полвека пролетели как один миг – так любят говорить старики. Не верится, что теперь – это мы. Но, как и прежде, по первому зову мы собираемся вместе – со своими женами, мужьями и детьми. Желание видеть друг друга не исчезает, хотя «направления» уже давно у всех разные. Мы мудры и «из литературы знаем», что этот феномен – не любовь. Это просто эхо того пронзительного, со многими восклицательными знаками, крика юности: «МЫ ВСЕ ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБИМ !!!!!»

Эхо прокатилось по залам большой выставки художественных работ, организованной Наташей Межниковой на сороковой день памяти Саши. Пересекая пространство, постепенно заполняющееся знакомыми и дорогими лицами, оно вдруг усилилось и превратилось в ясно различимый диалог предметов, размещенных на мастерских полотнах Сашкиных «ну, и всяких натюрмортов». Стекло и вода отстаивали свои приоритеты прозрачности; предлагали варианты бликующих поверхностей керамические, глазурованные, стеклянные и жестяные предметы «Забытых вещей». Вели свои «тары-бары» сухие хвостики чеснока, отправлялся в далекий иссиня-черный космический путь с белой платформы уютно прижившихся «Овощей» тяжелый кочан капусты. Сюжеты... интриги... цвет... фактура – все

объединено открытой любовью к реальному окружающему миру. В этом и был наш Сашка Комиссаров, мы опять смотрели друг на друга, радовались встрече с ним. А мудрое эхо продолжало перекатываться и повторять: «… ЛЮБИМ… ЛЮБИМ !!!»

Август – сентябрь 2016 года.

М. Петрова.

Г. Сеничева, Г. Кирицева, А. Комиссаров 1965 г.

В конце 50-х годов, непонятно с чего, было решено принимать в комсомол с 15 лет и соответственно увеличить до тех же 15 годков срок пребывания в пионерах. Зная моё иронично-брезгливое отношение к этой организации, одноклассники избрали меня председателем совета отряда, т.к. 15 мне должно было исполниться в конце учебного года.

А были мы ребятами продвинутыми, и в это время переживали увлечение анархизмом. Через некоторое время мы обратились к старшей пионервожатой, она же старшая сестра нашего одноклассника, с предложением вступить в борьбу за присвоение отряду звания имени Кропоткина. Мотивировали своё предложение тем, что он был знаменитым революционером и его именем названы станция метро и улица. Алла, толком не зная о методах практической реализации его учения, потребовала, чтобы мы были достойны его имени. Мы твёрдо обещали, что будем соответствовать.

Решили начать с формальностей: лозунг позаимствовали – «Анархия – мать порядка», задумали разработать отрядный флажок, а также было решено повесить портрет Петра Алексеевича над доской в классе. Исполнить портрет, размером под имеющуюся раму, было поручено Александру Комиссарову. Задание было трудоёмкое, с учётом роскошной бороды и источника вдохновения – малюсенького портретика из 4-ого тома Малой Советской Энциклопедии 1929 года издания.

Флажок, исполненный в традиционной красно-чёрной гамме, был разработан довольно быстро, но, после предъявления эскиза на утверждение, вся инициатива по присвоению имени знаменитого теоретика анархизма была аккуратно притушена. Александр Комиссаров, ссылаясь на муки творчества, затянул выполнение заказа, не выполнил пионерское поручение и портрет П.А. Кропоткина так и не призвал восьмиклассников следовать по его пути.

В том же учебном году, в результате дискуссий с учительницей истории, у меня сложилась неблагоприятная ситуация с оценкой моих исторических знаний. В это время учительница, в погоне за иллюстративным методическим материалом, предложила желающим выполнить портрет какого-нибудь знаменитого и признаваемого советской властью героя, не отражённого в учебнике истории. За выполнение этого задания было обещано не скупиться при поощрении проявленного рвения.

Александр Комиссаров, считая, что его знания истории оцениваются вполне адекватно, отказался от участия в этой акции. Но предложил мне, лишённому художественных способностей, свои услуги по выполнению какого-нибудь портрета с тем, чтобы я выдал полученное изображение за результат собственного усердия. Выбор персонажа и его согласование с инстанцией оставались за мной. Я быстро нашёл изображение не слишком прославляемого фельдмаршала Румянцева, к которому

А. Комиссаров, А. Шеленков, А. Крутов 1965 г.

особых идеологических претензий не было, и согласовал его кандидатуру.

Саша быстро, используя небольшой гравированный парадный портрет полководца, изготовил на ватмане карандашное изображение, размером, помнится, А4, пригодное для демонстрации учащимся в классе.

Исполнил он портрет хорошо, и передо мной встала проблема. Идеологически Олимпиада Васильевна была вполне стоеросовая, но доверчивая и упёртая. А поверив в моё авторство, могла поручить мне ещё какие-нибудь поделки того же рода. Чтобы этого избежать, надо было портрет испортить, но не сильно. После размышлений я пришёл к выводу, что наименее трудоёмким и наиболее эффективным решением является искривление кончика носа, сразу бросающееся в глаза. Просить творца об исправлениях я не решился и исполнил корректировку своей непривычной к изобразительным искусствам рукой. Получилось удачно – портрет был благосклонно принят и оценён, но потребности в моих художествах больше не возникало.

Май 2016

Экономист Ю. Федосов

композитор Сергей Беринский 1992 г.

Из записей о Сергее Беринском.

Однажды, во время прогулки, Сергей так толково и талантливо пересказал мне испанский фильм «Палач», что у меня до сих пор, остаётся ощущение, что я видел этот фильм. Закончив, сказал: «Не знаю, зачем я всё это рассказывал!»

Беринский безусловно был одарён и литературно. Несколько его устных новелл произвели на меня большое впечатление. Жаль, что не могу их здесь воспроизвести.

Обладая выразительной, несколько экзотической внешностью, он сразу произвёл на меня впечатление. Я предложил позировать для портрета. Согласился. И мы осуществили портрет под концерт-симфонию для скрипки с оркестром в исполнении И. Бочковой. Музыка мне очень понравилась. Портрет приобрёл СХ РСФСР. К сожалению, дальнейшая его судьба мне неизвестна. С этого, начались наши близкие отношения. Я стал постоянным участником клуба, был на всех творческих вечерах, премьерах, на концертах Московской осени. Благодаря этому знаком с творчеством многих московских композиторов.

А. Комиссаров.

беседа с автором, б.к.14х10 см

пианист В. Попругин, б.к. 17х10 см

композитор В. Николаев, б.к. 17х10 см

Саша Комиссаров был настоящим знатоком и ценителем современной академической музыки, и в существовании Клуба Сергея Беринского[1] он был заинтересован, – а уж как Клуб был заинтересован в таких слушателях, мыслителях и рисовальщиках! – живая история Клуба в его рисунках, эскизах, зарисовках.

С самого первого Клуба (осенью 1987), который Сергей Беринский проводил в выставочном зале «На Кузнецком», и впоследствии – до наших дней, Наташа и Саша были неизменными участниками этих встреч. По – человечески нас всех связывала сердечная, нежная, действенная дружба в основе которой – дух Служения.

Л. Терская и квартет саксофонистов А. Кравченко
клуб С. Беринского в мастерской на Вавилова 2008 г.

Уже в 1996 году у Сергея Самуиловича начались сложности относительно места проведения Клуба. Что уж и говорить о двухтысячных годах..! И в те времена Саша Комиссаров предложил концерты встреч с композиторами устраивать в их, с Наташей Межниковой, квартире – мастерской. И мы все, участники и зрители «купались» в тёплой, живой, полной любви атмосфере, которую создали эти люди, друзья музыкантов, интереснейшие творцы-художники Наташа Межникова и Саша Комиссаров. В их мастерской, в месте, где жил и работал Александр, звучала, звучит и будет звучать музыка.

Основатель и ведущий Музыкального Клуба – творческие встречи с композиторами. Марина Шмотова, композитор.
Ученица и коллега С.С.Беринского.
С 1998 года организатор и ведущая Клуба Сергея Беринского.

[1] Сергей Беринский (1946-1998). Композитор.

композитор Мераб Гагнидзе 2009 г.

О Саше.

Было это в 2004, 5, 6 не помню в каком точно году, то ли дом Художника, то ли ещё где, я сидел на сцене и отвечал на вопросы слушателей, сидело в зале полным-полно народа. Лицо, которое выделялось из всего зала, было лицо Саши Комиссарова. Как я узнал позже, известного в своих кругах живописца. Сблизились мы с ним в 2008 году в БЗК, В. Полянский удачно исполнил мои «Страсти по Матфею». Его супруга – замечательная художница Наталия Межникова, (автор чудной картины «Чёрное море»), позже рассказала мне, что, после концерта Саша пошёл и напился. Супруги пригласили меня к себе в мастерскую, где было вкусно, хорошо и умно. Я стал часто бывать у них. И это были чудесные вечера. Можно было видеть много замечательных людей на этих встречах, но для меня самой интересной личностью был, конечно, Саша Комиссаров. Нежность и любовь к окружающим, недюжинный ум, обширные знания по всем искусствам. О музыке, я подозреваю, он знал больше, чем я, который долго учился и что-то знал. Я не помню, что бы он негативно отозвался о каком-либо композиторе, в отличие от меня. Обычно, мне не нравится почти ничего. Должен сказать, что в живописи я тоже не очень разбираюсь. В музыке меня, например, привлекает старый добрый «авангард». У Саши письмо более или менее традиционно. Но меня восхищало всегда, как он писал стекло, стаканы, посуду. Даже если рассматривать

вблизи, как кладётся мазок и, как это стекло просвечивает, блестит и т.д. Я вспоминаю картину Винсента Ван Гога. На дороге кафе и над дверью горит фонарь, вернее лампочка. Это было в Эрмитаже, я помню, тоже пытался вблизи рассмотреть, как это горит лампочка. Но она горела и вблизи.

Что касается меня, то есть моей музыки, мои камерные сочинения Сашу не трогали. Ни разу он не вспомнил за эти годы «Страсти по Матфею». Видимо, он послушал запись, и она уже не произвела впечатления. Зато хвалил пятьдесят две симфонии и шестьдесят пятую, которая так и не исполнялась, но её набрал на компьютере, тогдашний директор ЦМШ (Якутов). Саша ушёл в лучший, надеюсь, мир. Без него стало пусто.

Сентябрь 2016.

Композитор Мераб Гагнидзе.

композитор М. Гагнидзе, б.к. 14х10 см

КОМИССАРОВ И БЕРИНСКИЙ

С Александром Комиссаровым меня познакомил Сергей Беринский – композитор, выдающийся музыкант, которого считаю (не только я) своим наставником.

Я был удивлен, узнав, что Александр художник. Принимал его за коллегу музыканта, потому что видел его на концертах в Доме композиторов, слышал его точные, интересные, аргументированные высказывания в дискуссиях по поводу прозвучавшего в Клубе современной музыки Сергея Беринского – не секрет, что публика концертов современной музыки состоит из самих композиторов и им сочувствующих, в основном из музыкантов. Комиссаров был своим в этом мире, у него было много друзей из числа композиторов и исполнителей, он прекрасно разбирался не только в музыке, но даже и в непростых порой отношениях между творцами.

После знакомства я долго обращался к нему по имени-отчеству. Это было естественно: мой Учитель – Сергей Самуилович, его близкий друг – Александр Анатольевич, кроме того, в восточных традициях (а я, как говорилось в старину, «природный монгол») если человек старше тебя даже на один день, обращаться к нему должно только на «вы». Лишь много позже, по прошествии лет, когда стал бывать в его мастерской на Вавилова, на его выставках – жалею, что многое пропустил! – он незаметно стал для меня просто Александром.

композитор М. Броннер, б.к. 14х19 см

композитор А. Павлючук, б.к. 14х10 см

Комиссаров и Беринский были давними и близкими друзьями. Внешне они были совершенно разные: Беринский – яркий крепкий брюнет с густой волнистой шевелюрой, чеканной речью трибуна, которую можно было записывать начистовую и сразу, без редакции, публиковать, например, в журнале «Музыкальная академия», где он работал, Комиссаров же – светлоликий, сухощавый, с мягким негромким голосом, что не мешало его словам быть не менее убедительными.

Несмотря на разность темпераментов, они были очень близки. Мне кажется, их роднили общность взглядов на многое, в том числе на искусство и его природу. Однажды Беринский рассказал, как был обескуражен («нифига себе!») вопросом известного и уважаемого N, профессора консерватории: «Сергей Самуилович! Что, на Ваш взгляд, важно для музыки сейчас, в конце XX века, какие основы?». Беринский ответил: «Я думаю, то же, что и в конце XIX века, и XVIII-го, и XVII-го, etc.». Теперь был обескуражен уже N.: «Простите меня за этот дурацкий вопрос». Уверен, Комиссаров ответил бы примерно так же.

композитор С. Павленко, б.к. 14х10 см

У них была внутренняя свобода и независимость, абсолютная честность по отношению к себе и к другим, к своему искусству – качества людей сильных, много умеющих и знающих, тонко чувствующих и думающих.

Оба рано ушедшие из жизни, Беринский и Комиссаров представляются мне библейскими персонажами: один

– трагичный, громогласный, кипучий ветхозаветный пророк, облик же другого – евангельский, ясный и светлый.

Беринский как-то признался: «Не знаю, был бы самим собой, если бы был только европейцем. Я – библейский тип. Говорю не потому, что считаю себя сильным. Но откройте Ветхий Завет, в Апокалипсисе говорится: «Ты не горяч и не холоден, отринь от меня!».

В своем творчестве они запечатлели себя, совершенно разных. У одного – печаль от мудрости, у другого – радость.

О своем последнем, Третьем квартете Беринский сказал: «Этот Квартет – я сам. Я настолько выразил в нем свою нервно-психическую основу, что не могу его слушать, после того, как исторг это из себя. Это плач Иеремии, жалоба Иова, это другое искусство, не то, чтобы «а теперь давайте послушаем...».

Мир Комиссарова – иной. В его картинах – радость жизни, ее полнота, равновесие, свет и полутона. Александр «открыл мне глаза». В нашем с ним общении он понемногу и незаметно объяснял многое, учил меня, совершенно неискушенного, видеть в изображенных на картине неодушевленных предметах их скрытую, тайную жизнь, историю, даже судьбу, их отношения их между собой. Точно так ранее Беринский на своих занятиях, на семинарах в Доме творчества композиторов «прочистил мне уши», научив слушать музыку.

композитор С. Беринский, б.к. 10х9 см

Меня всегда чрезвычайно привлекали миры, параллельные обычному, привычному с детства музыкальному: мир людей литературы, мир театра, художников, позже – мир науки и др. Это в самом деле огромные, самодостаточные миры, в каждом из которых – свой язык, многовековые традиции, законы, обычаи, правила, секреты, свои авторитеты и т.д., и я всегда с удовольствием и интересом пользовался возможностью окунуться в них. Так, однажды собрался в общежитие Литературного института, и Беринский, узнав об этом, предупредил: «Будьте осторожны! Там сильно пьют!». Но обошлось без последствий, поэты, точнее, поэтессы, оказались вполне мирными людьми. Наверное, все-таки это были другие, чем круга Беринского, литераторы.

Мир художников представлялся мне особенно загадочным и притягательным. Всегда завидовал тем, кто может что-то сделать руками, нарисовать, слепить, изваять, тем, кто может на твоих глазах сотворить чудо: на чистом, немом холсте вдруг начинают проступать, как бы освобождаясь из глубины, все ясней и ближе, проявляясь, предметы, которые видишь и ты, но – совершенно другие, и в ином, всегда неожиданном пространстве.

«Музыке» можно научить всякого, начиная с музыкальной школы, заканчивая консерваторией, музыкальные способности есть у каждого, надо только их развить, в крайнем случае – есть «техника» (много «техник»), которую освоить может любой. Рисовать же – не каждому дано.

певица, б.к. 19х14 см

композитор Т. Сергеева, б.перо 19х13 см

Поэтому мне было очень и очень интересно быть (впервые – с Беринским) в мастерской Комиссарова. Все, что я себе до этого представлял, о чем отрывочно знал, о чем читал – в журналах, чьих-то записках, мемуарах, романах Аксенова, видел в фильмах и пр.: легендарный, полумифический МОСХ, его 20-30 годы, 60-е, «Мастер и Маргарита», «бульдозерная выставка» в Беляево и пр. и пр. – в мастерской Александра этот мир оказался таким близким, до него можно было дотронуться, услышать его запах: огромные портреты на стене, стеллажи с многими картинами, старыми и незавершенными, книги, альбомы, станок, мольберт, краски и кисти (сами по себе – какие красивые слова!). А когда Наташа, жена Александра, показала мне сохранившиеся старинные фамильные вещи, пережившие невзгоды и катастрофы XX века, рассказала о них, мое сердце дрогнуло, и я подумал: «Это Москва, Баир». Я прикоснулся к огромной, мощной и живой культуре, ощутил ее спокойный, ровный пульс, увидел нити преемственности поколений.

композитор В. Екимовский, б.к. 14x10 см

В огромном окне мастерской Комиссарова – широкие заснеженные улицы, силуэт шпиля университета на фоне солнечного заката, в темном коридоре – Петр Ильич Чайковский, чей бюстик стоит на подоконнике – неизменный свидетель наших с Александром неспешных бесед под легкий дым ароматных сигарет.

В домашнем кабинете Беринского – старый черный рояль с плотно исписанной партитурной бумагой на

пюпитре, афиши на стенах, книжный шкаф, за стеклом которого на полочке – маленькая деревянная статуэтка монгольского двугорбого верблюжонка, когда-то подаренная мной. За окнами – море крыш и освещенные закатом шпили московских высоток.

Дома у меня – натюрморт, подаренный Александром: на столе, на темном, мягком, приглушенном фоне – глиняный кувшин, пестрый молочник, старинная серебряная ложка. Между ними идет нескончаемая, молчаливая беседа о чем-то вечном. Каждое утро я смотрю на этот маленький кусочек нашего огромного прекрасного мира глазами Александра Комиссарова.

Баир Дондоков

композитор Б. Дондоков, б.к. 14х10 см

Deus conservat omnia

Вероятно, мы живём в самом громком из всех ранее бывших времён – не в том смысле, что «славном», а окружающем нас и вторгающемся в нас немолчным потоком звуков. «Шум времени», сквозь который слышно, как «век вывернул сустав» и как «звезда с звездою говорит», сменился тотальным громыханием человеческой жизнедеятельности и, силясь её перекричать, мы форсируем голос и сыпем словами…

От Саши исходила тишина – свидетельство благородства душевной осанки.

За двадцать лет знакомства с ним я ни разу не слышала, чтобы он повысил голос, не видела, чтобы лицо его исказилось раздраженной или гневной гримасой, не наблюдала его кого-нибудь осуждающим или обличающим – иногда он бывал огорчённым.

И, определённо, он не принимал участия в игре «кто кого перетянет».

Сашины речи, то радостно-оживлённые, то шутливые, то раздумчивые, никогда не давали собеседнику повода усомниться в его искренности и душевном расположении.

Разумеется, можно считать, что тут дело в природном темпераменте или в генетике. Но я думаю, что если в Сашином случае и стоит говорить о наследственности, то это было наследованием культуры, сознательным само-

стоянием гармонической творческой натуры – недаром Саша так любил музыку.

Мы как-то никогда с Сашей проблему личности художника не обсуждали, но во время долгого – как потом выяснилось, последнего – нашего с ним разговора с моей подачи всплыла тема пространства в живописи, что вызвало совершенный Сашин восторг, поскольку, как оказалось, он много об этом думал. В результате обнаружилось общее для нас понимание искусства как гармонизирующего человека и социум начала, приближающего людей к пониманию Космоса – но излишнего для остальной природы, поскольку она сама и есть часть вселенской гармонии.

Не берусь судить (в силу обычной некомпетентности), какой Саша был художник, но, на мой взгляд, его работы исполнены глубокого, сосредоточенного внимания к миру с желанием понять его истинную природу – что-то вроде «хрустальная проснулась ваза и выплеснула свой хрусталь».

Помню один из ранних – по времени нашего знакомства – разговоров. Я рассказала Саше о своём впечатлении от поразившей меня выставки одного современного скульптора, он не разделял моего энтузиазма и апеллировал к античной скульптуре, в которой (если я тогда его правильно поняла) находил совершенное пластическое воплощение идеального образа в соотнесённости его с реальной телесностью.

Саша любил Чехова, но в нём самом, как мне кажется, не было меланхолии, так свойственной этому писателю, а сближало их сострадание ко всему живущему и душевная деликатность, общая для обоих.

И было в Саше качество, почти уникальное для творческого человека: способность радоваться чужому таланту – без ревности, без зависти, без оговорок.

О себе он мог буднично сказать: «Ну, я просто художник, потому что не могу не рисовать, я всегда рисую», а о ком-то другом с восхищением: «Он невероятно одарён!» – и в этом не было ни капли фальши или самоуничижения.

Так чувствуют свободные люди – и нам всем известно, как редко это бывает!

Не помню пустых, праздных бесед с Сашей – всегда после нескольких вводных, ничего не значащих фраз возникала тема, поводом для которой мог оказаться текст, картина, музыкальное сочинение или какое-то другое значимое событие. Разговор был интересен не только самой темой, но и возможностями её интерпретации – и это мне очень нравилось.

Меня всегда удивляло, насколько Саша «европеец»: не было в нём ни расхлябанности, ни необязательности, ни уныния, ни лени – в общем, ничего такого, что скорее свидетельствует об отсутствии воспитания, чем о врождённых качествах. Так возник наш первый

разговор о его маме и отчиме – многое тогда для меня прояснилось. Ведь если говорить о культуре, то каждый человек – наследник, вопрос только в том, принимает он наследство или нет, то есть готов ли отвечать за этот дар. Саша принял – со всей ответственностью.

Когда-то в статье о постановке «Горя от ума» один из замечательнейших людей 19 века Аполлон Григорьев писал, что талантов мало, и всё же они есть; умных ещё меньше, однако и они попадаются, но благородный человек – явление исключительное.

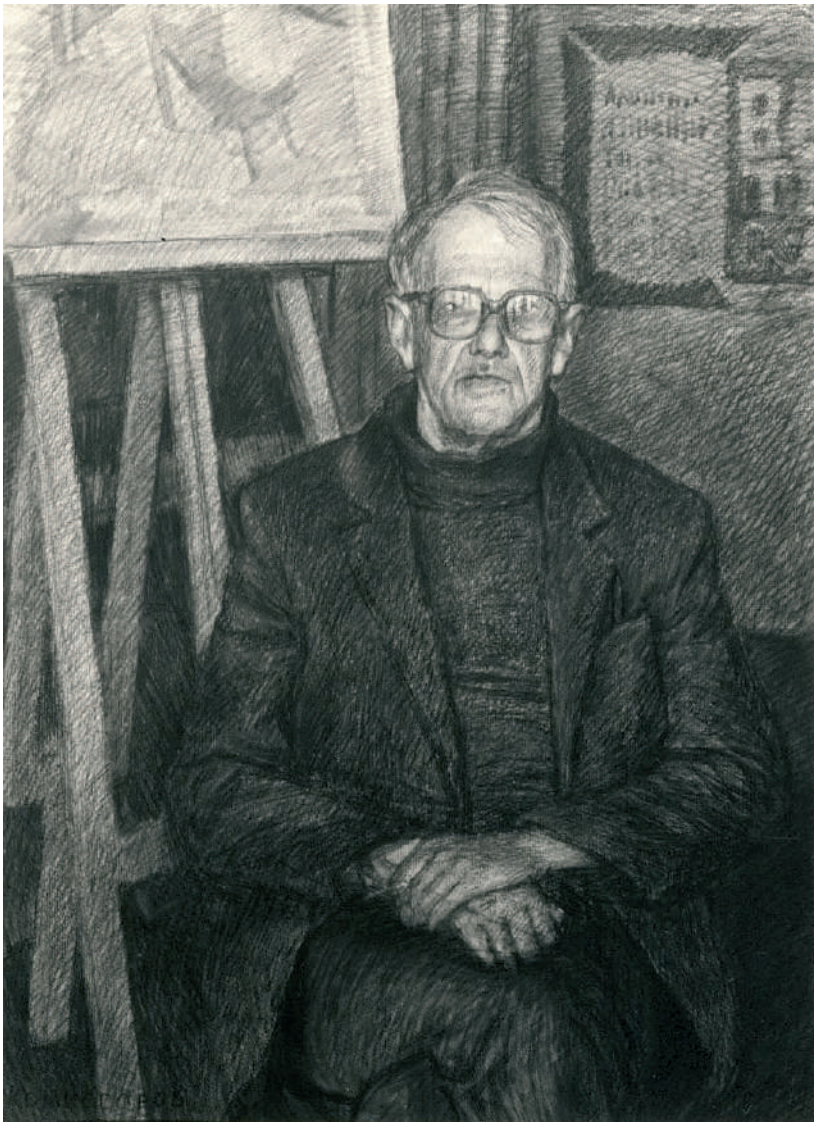
Так что выходит, что всем, кто в своей жизни повстречался с Сашей Комиссаровым, несказанно повезло.

5-7. 03. 2016.

М.А.

графика

портрет художника А. Алейникова 1986 г., см.техника 66х46 см

за роялем О. Шагова, б.к.13х21 см

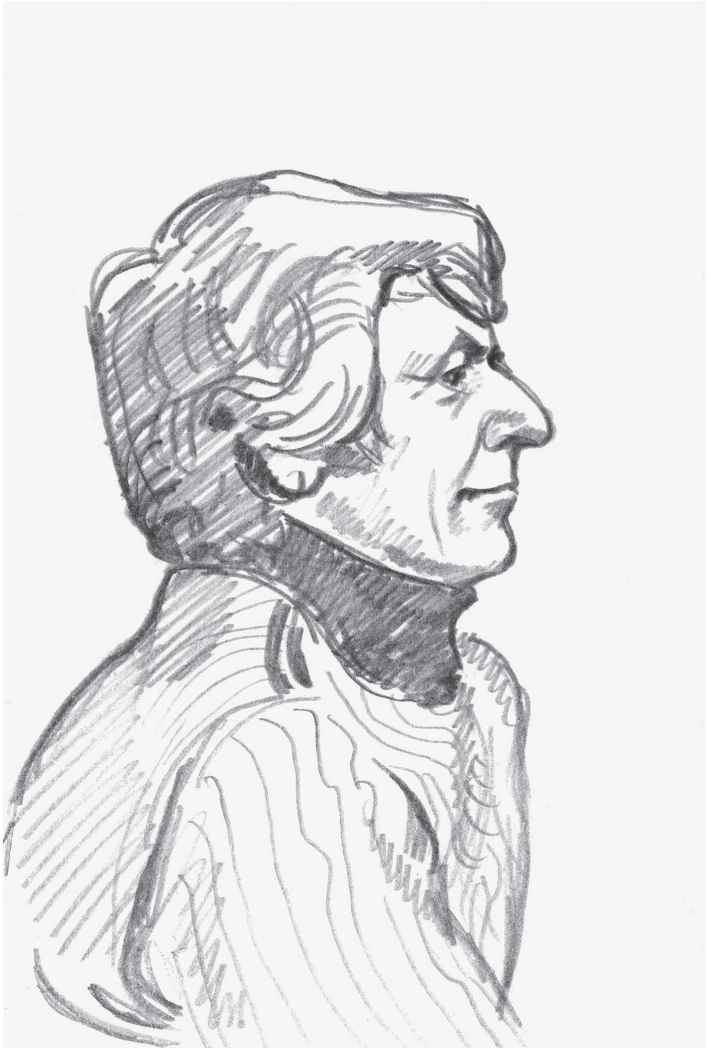
портрет художника С.Родионовой 1986г, см.техника 46х56 см

художник Г. Ефимочкин, б.к. 18х12 см

скульптор Л. Тазьба, б.к.14х19 см

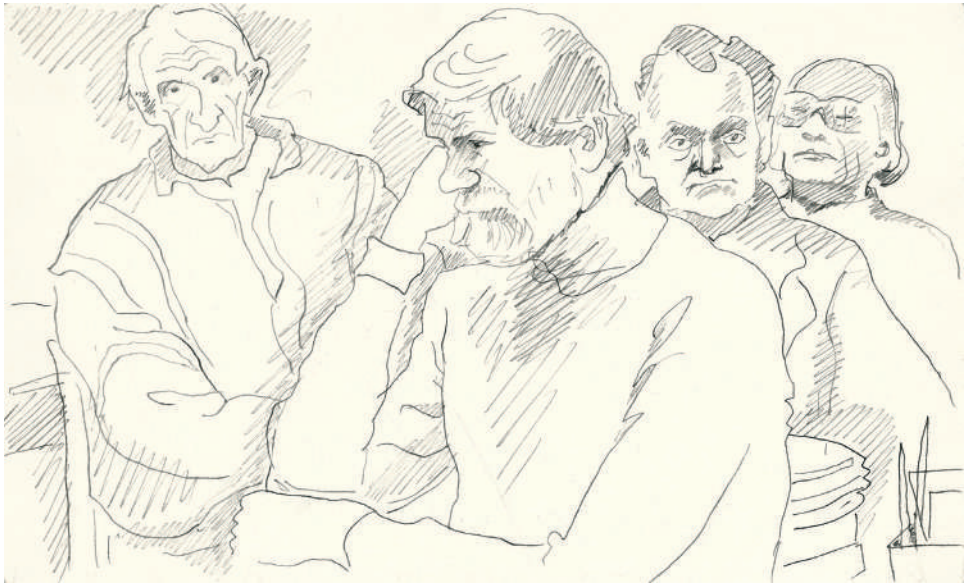
художник А. Резников, б.к.18х12 см

художник И. Голицин, б.к. 10х16 см

художник Д. Надежин, б.к. 10х17 см

скучное заседание, б.к.14х20 см

портрет художника В. Трифонова 1983 г, см.техника 46х56 см

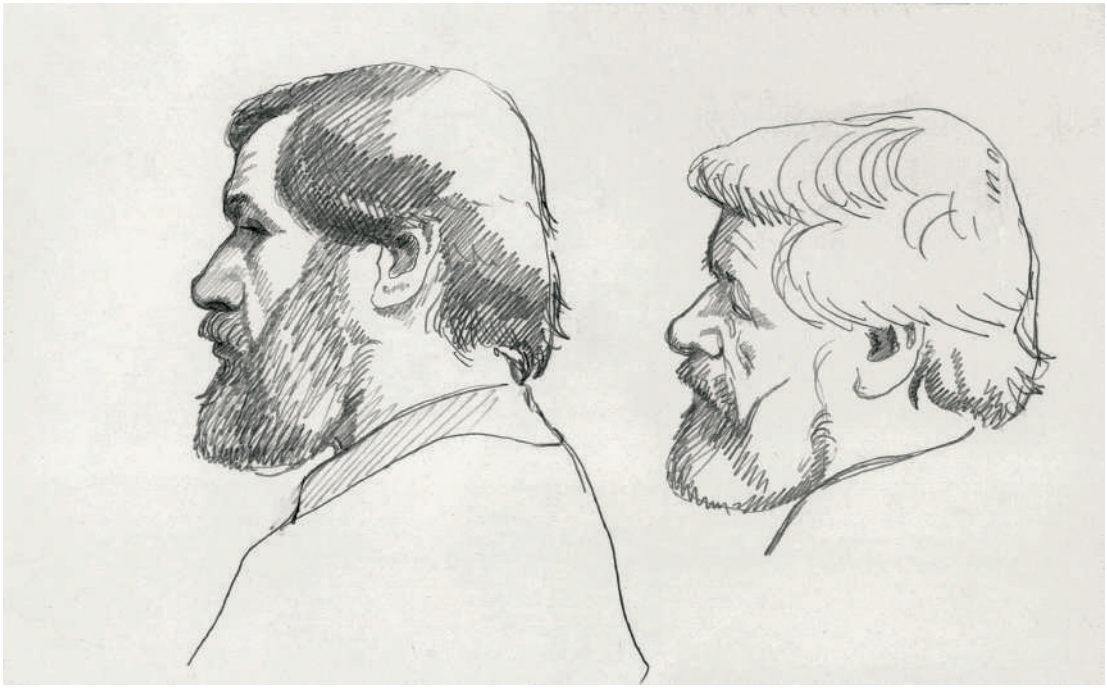
любимый мотив, 2010 г. б.сепия 42х29 см

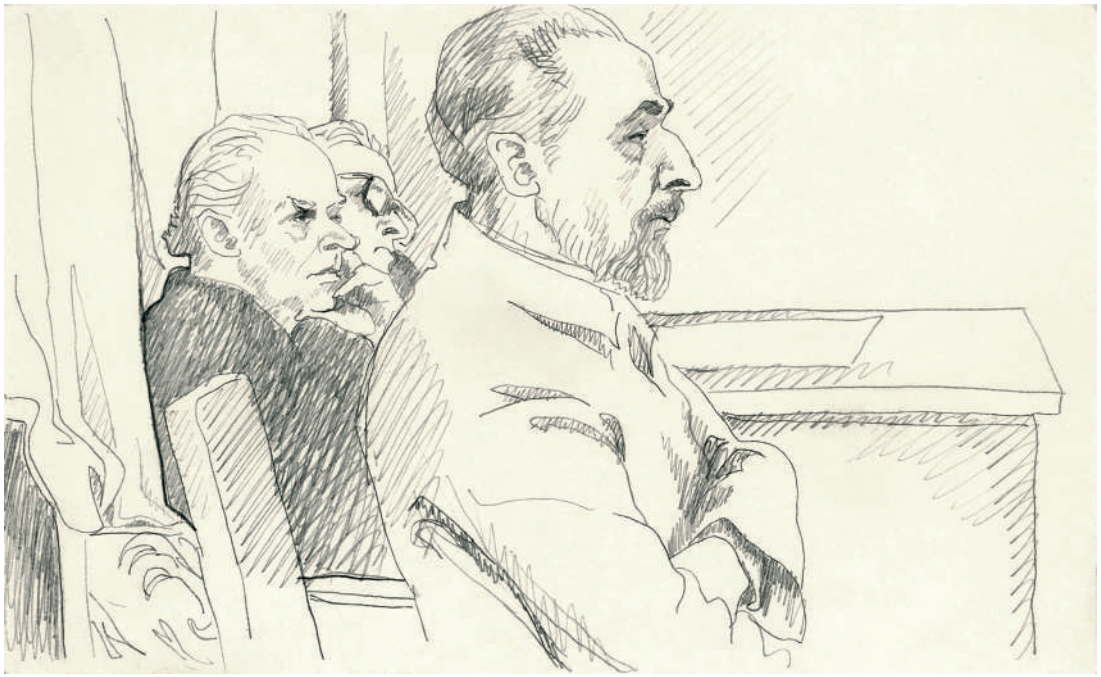
липы весна 2009 г., б.уголь 42х29 см

художник А. Лопатин на заседании, б.к. 13х21 см

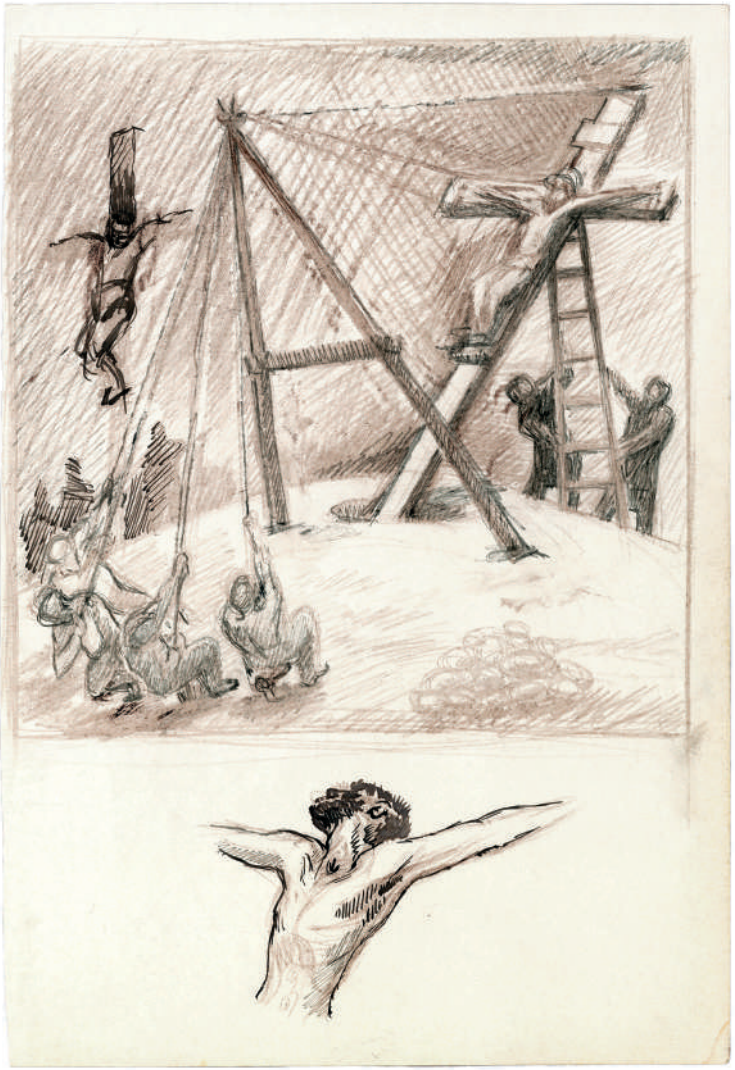
на бюро секции, б.к.13х21 см

заседают (Ю. Атланов), б.к.13х21 см

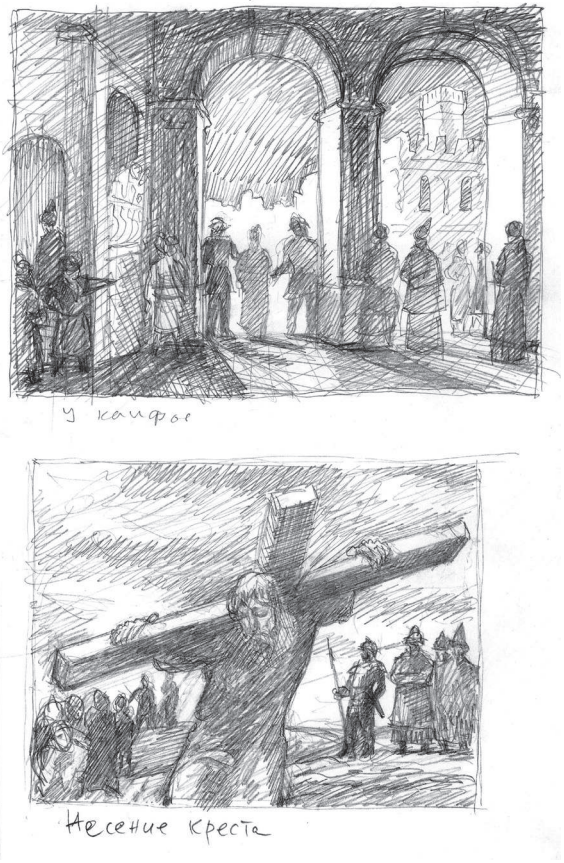
выступает Е. Чернышова, б.к.13х21 см

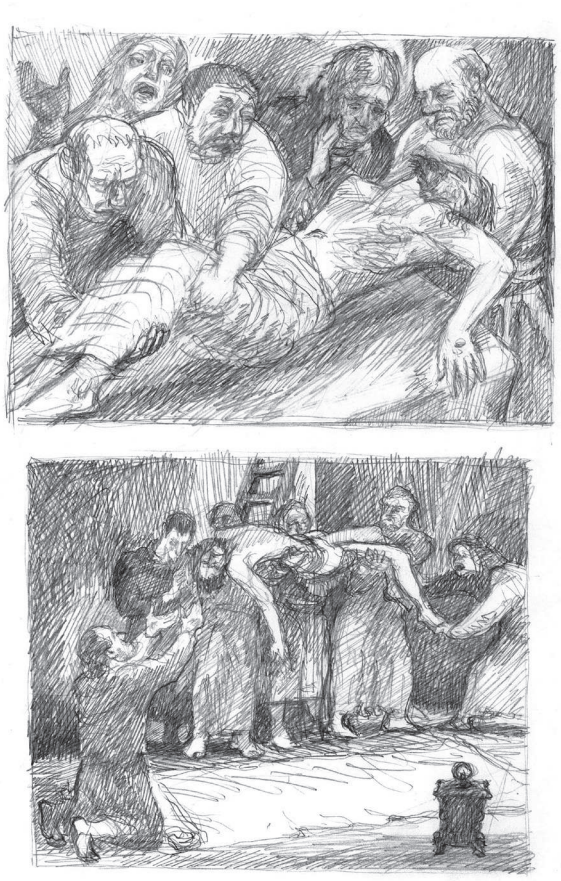

Голгофа 2 2013 г., б.перо 30х20 см

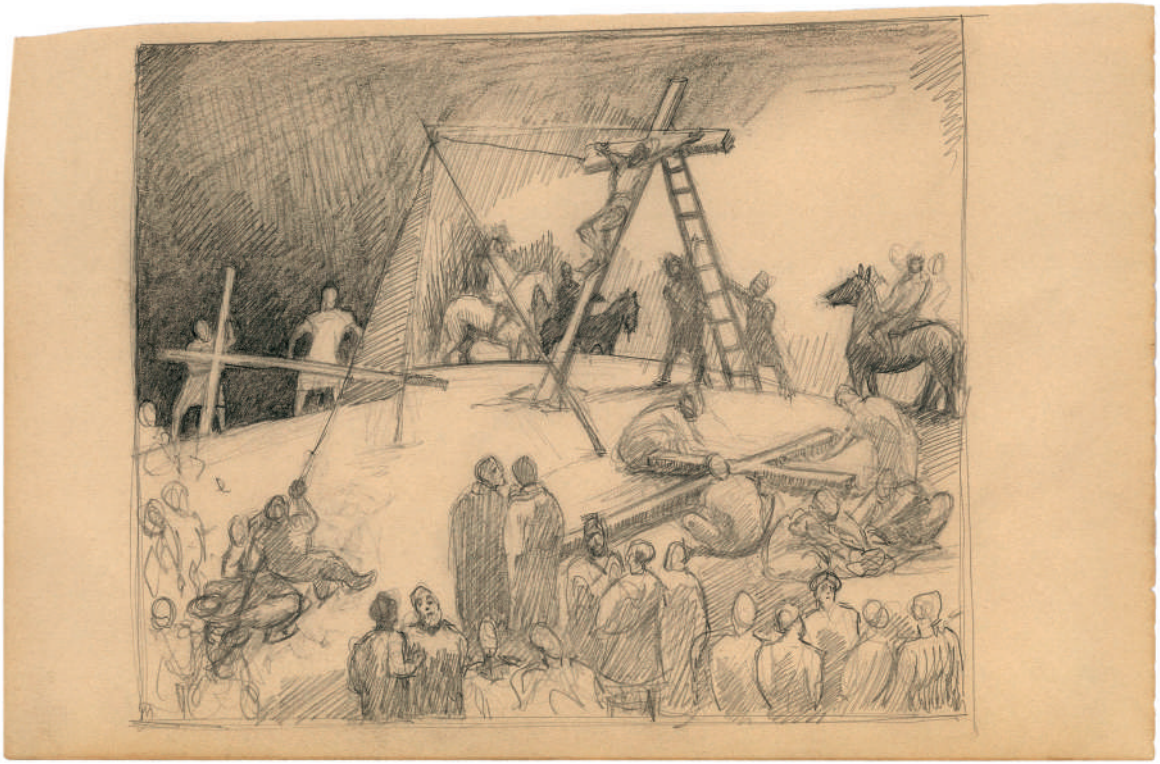
Голгофа 1 2012 г., б.к. 20х30 см

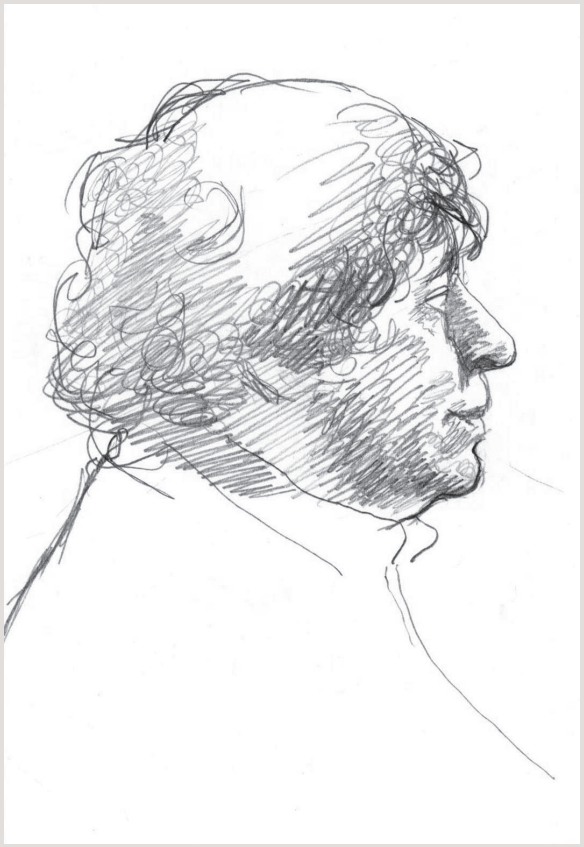

«у Каифы»(верх), «Несение креста» 2014 г., б.к. 37х26 см

два эскиза «Снятие с креста» 2014 г., б.к. 37х26 см

Голгофа 3 2013 г. б.к. 19х22 см

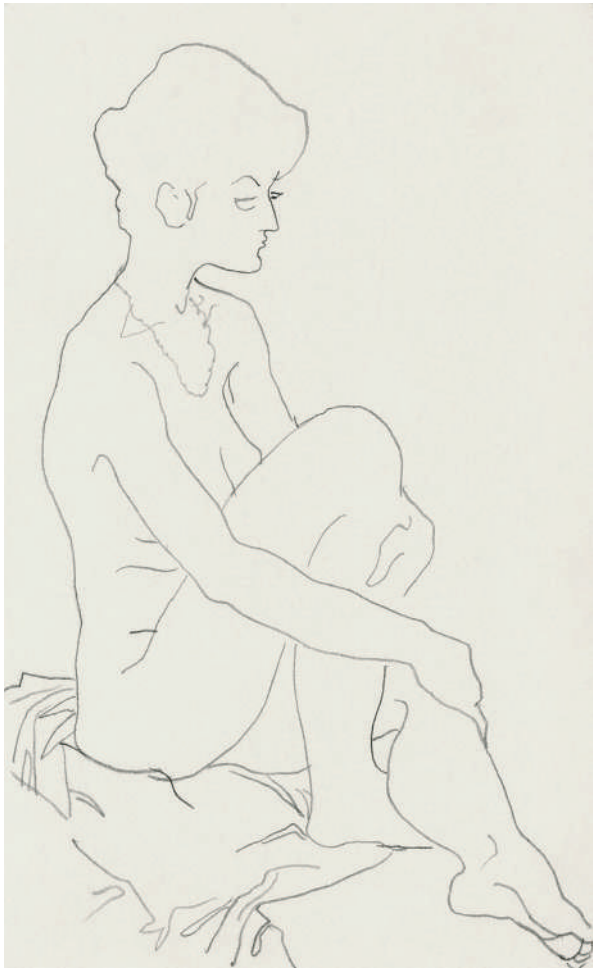

композитор К. Уманский, б.к. 14x10 см

арфистка Т. Вымятнина, б.к. 14x10 см

альбом в интерьере, б.к. 31х39 см

модель 2; б.к. 20x14 см

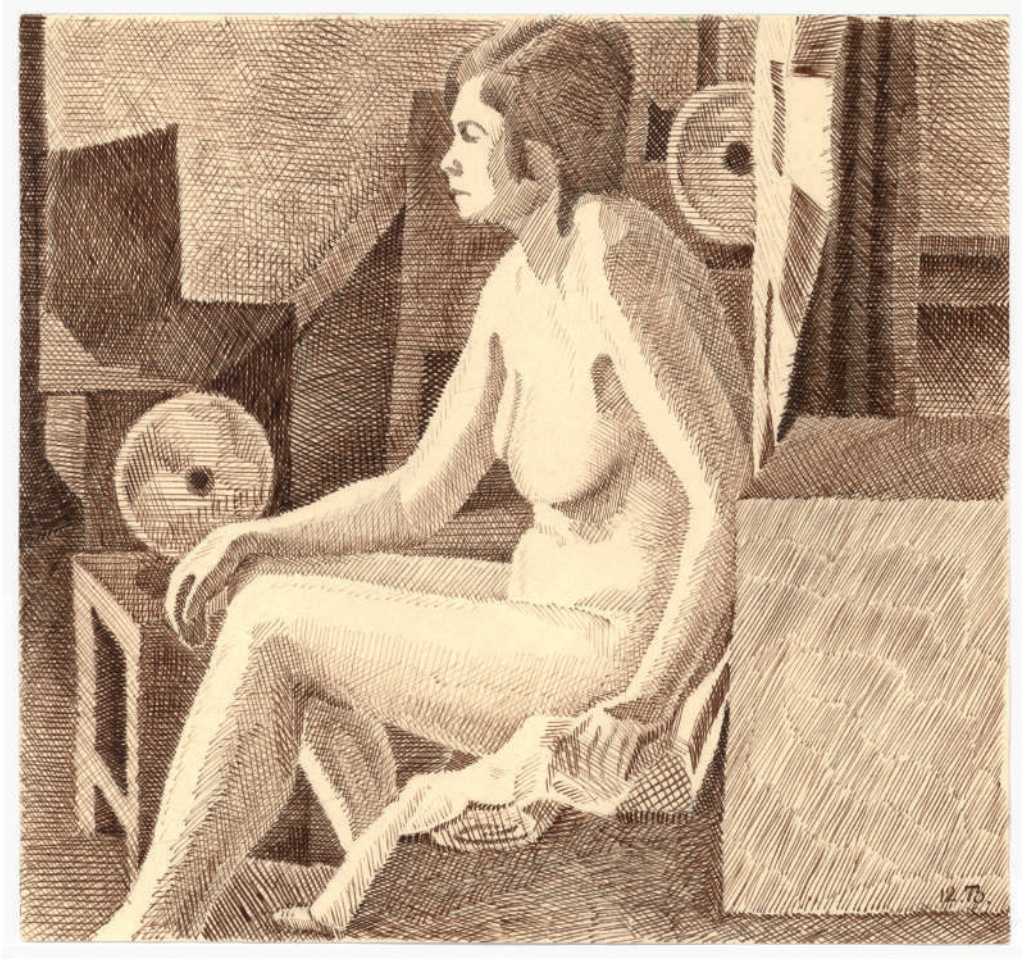

модель 1, б.к. 20x14 см

модель, спина, б.к. 20x14 см

обнаженная со спины, б.перо 26х19 см

обнаженная с рефлектором, б.перо 22х21 см

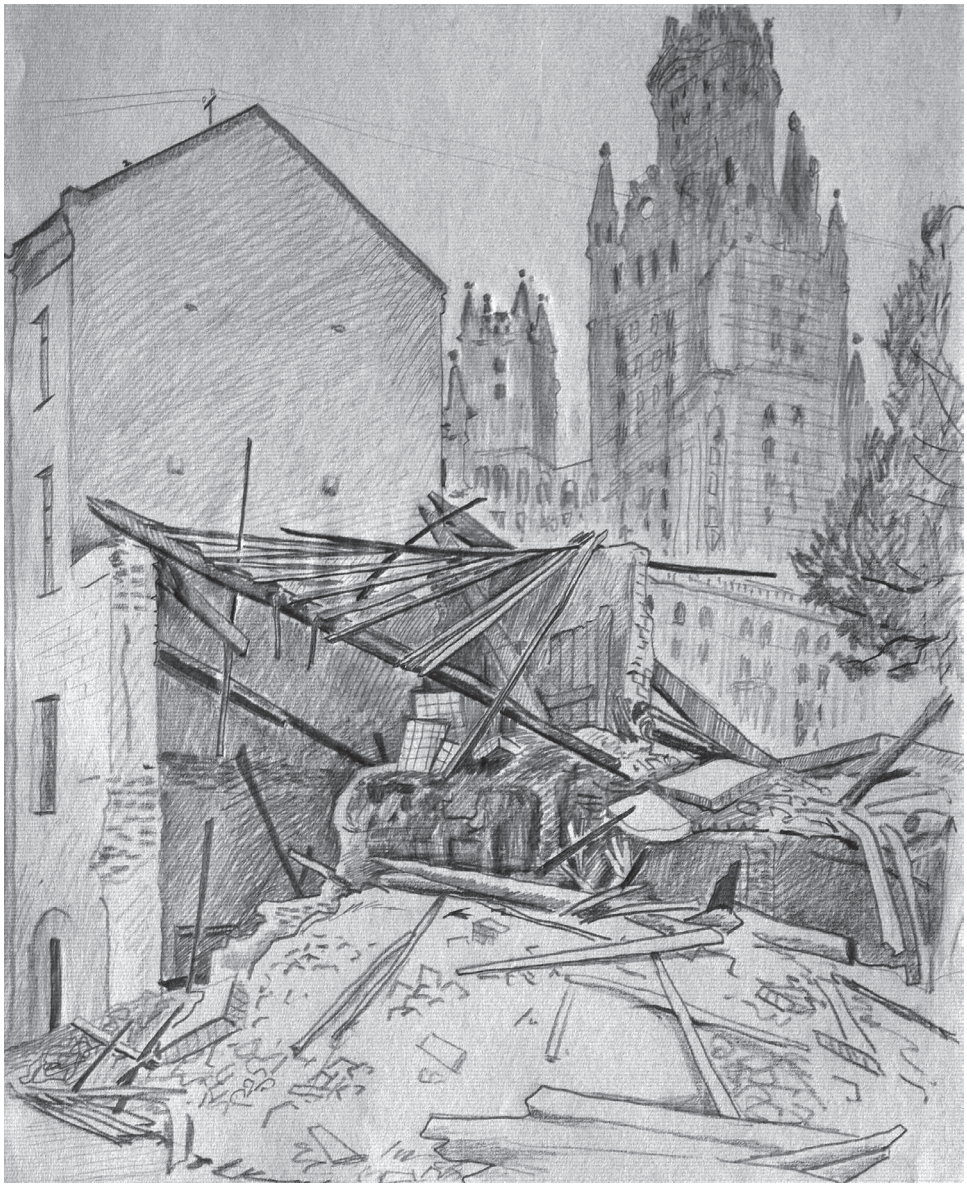
композитор А. Вустин, б.к. 14х10 см

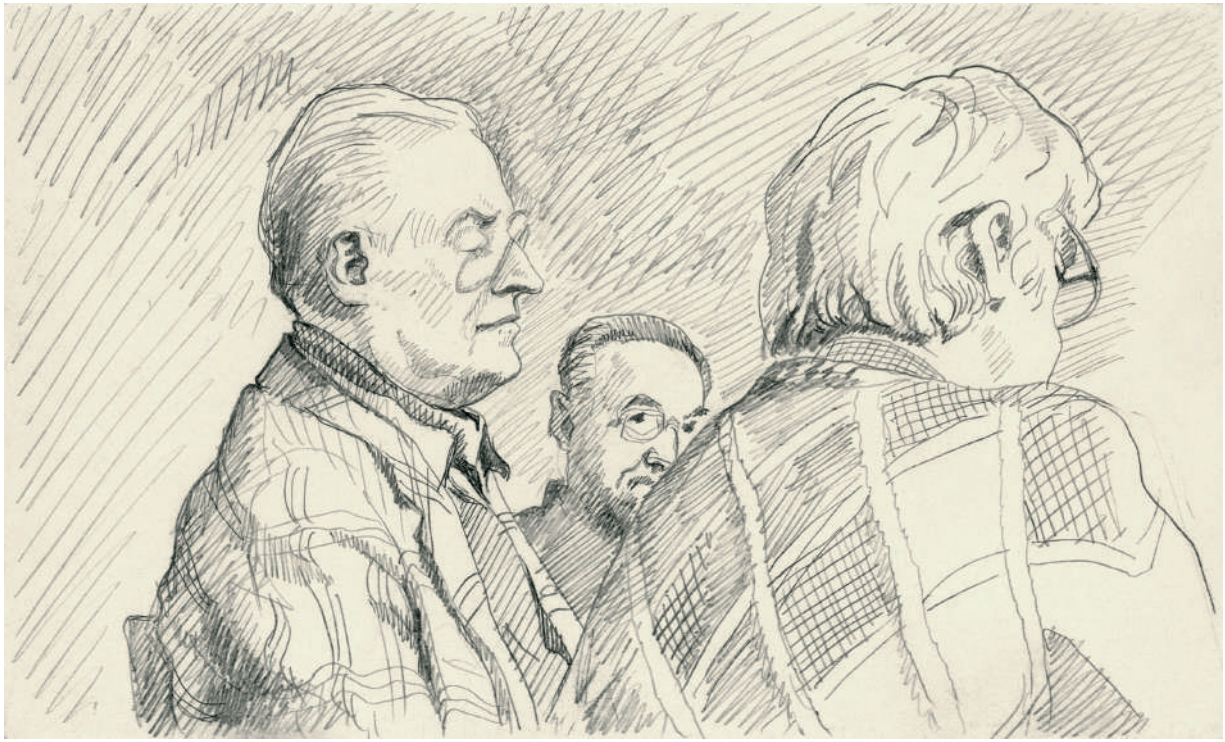
противоположные, б.к. 20x14

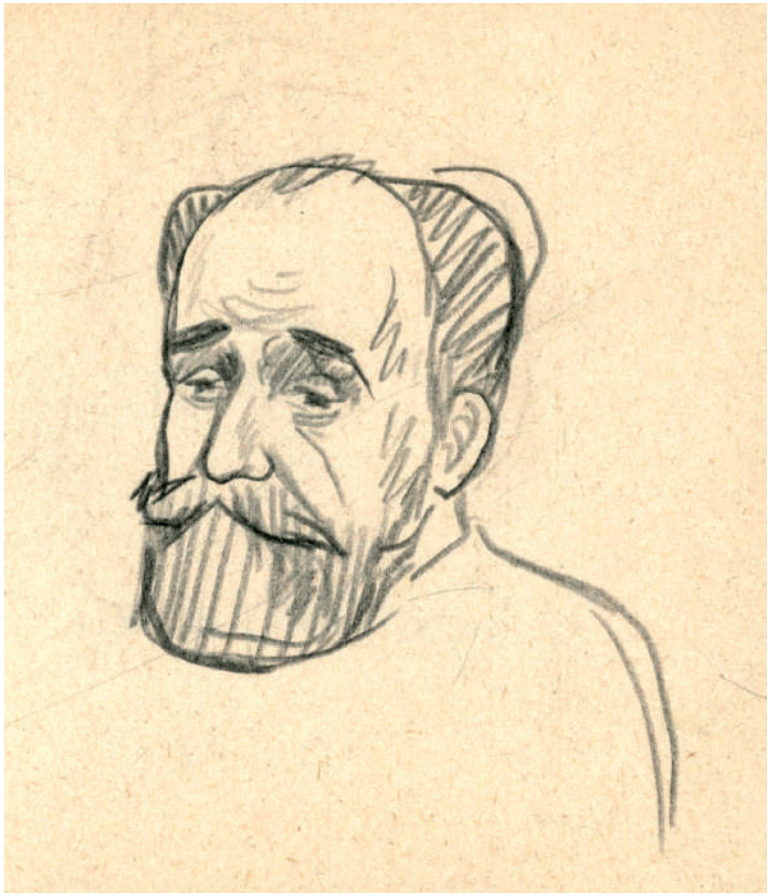
деревенские дали 1998 г., б.к. 40х30 см

у Яузских ворот 1975 г., б.к. 40х29 см

художник и коллекционер Ф. Лемкуль, б.к. 13х21 см

набросок к портрету Э. Браговского, б.к. 10х9 см

в четыре руки, С. Беринский, М. Шмотова 1997 г., б.к. 24х32 см

художник О. Савостюк, б.к. 11х10 см

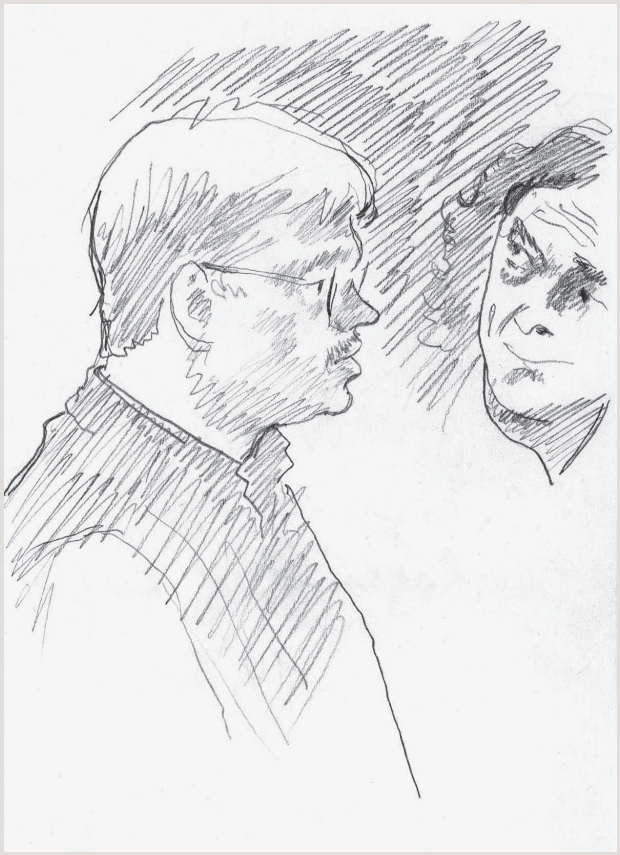

ведет правление художник В. Бубнов, б.к. 11х15 см
размышления, б.к. 14х19 см

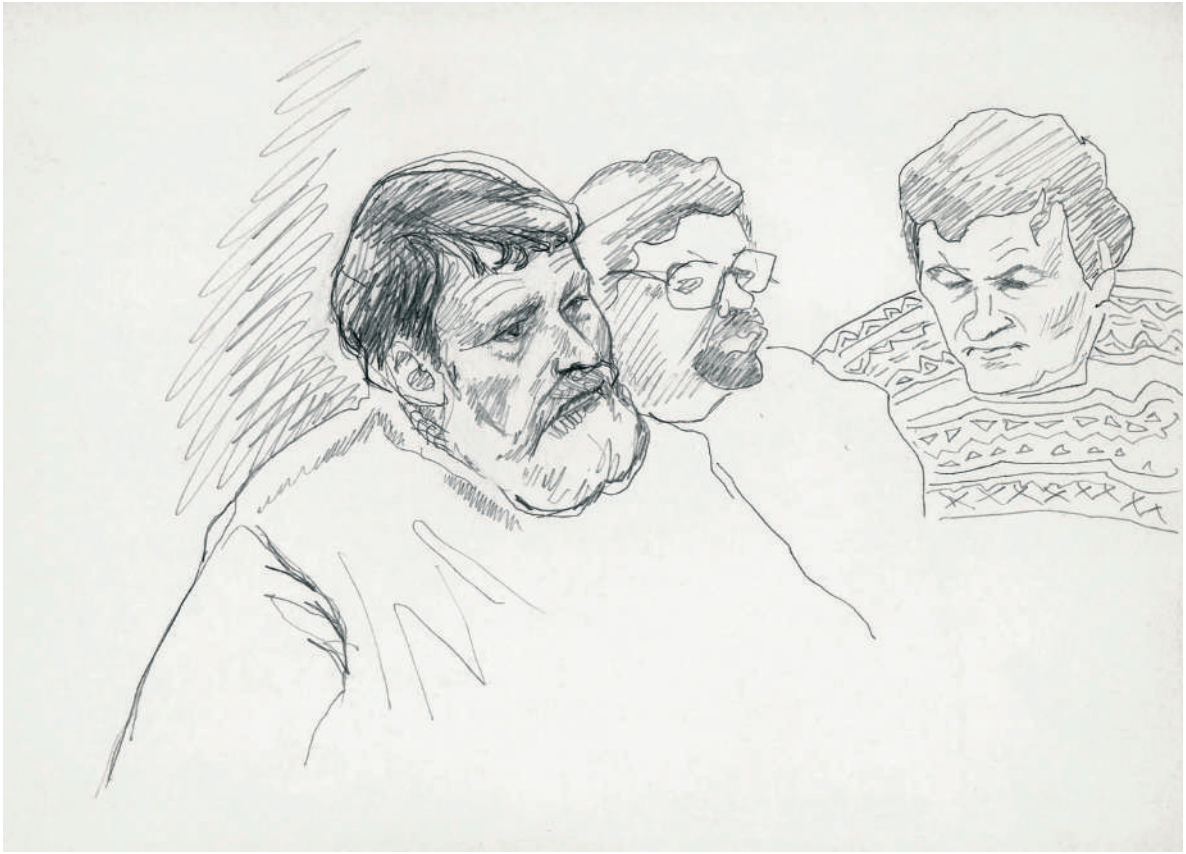
художник и модель б.к. 20x14

интересная беседа, б.к. 18х13 см

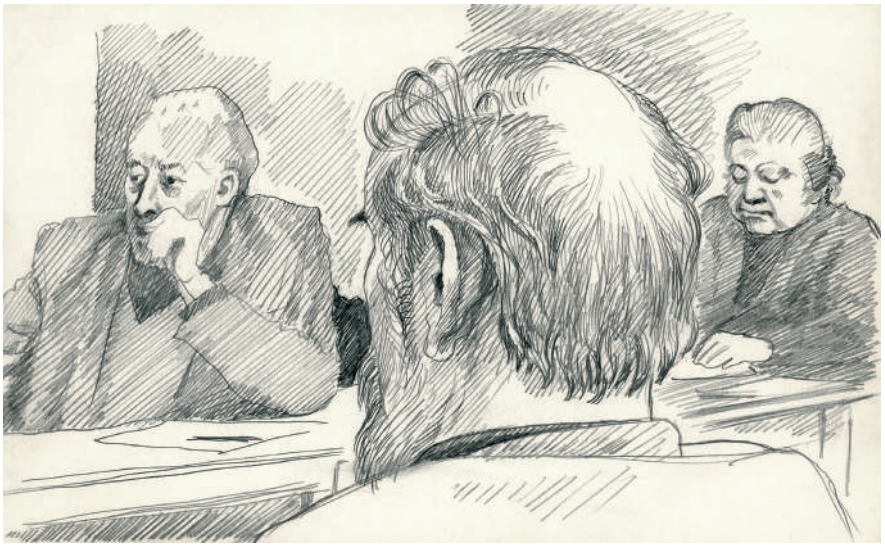
тенор В. Микитский, б.к. 21х14 см

на правлении МОСХ, б.к. 14х20 см

Саня слушает Буратино, б.к. 16х10 см

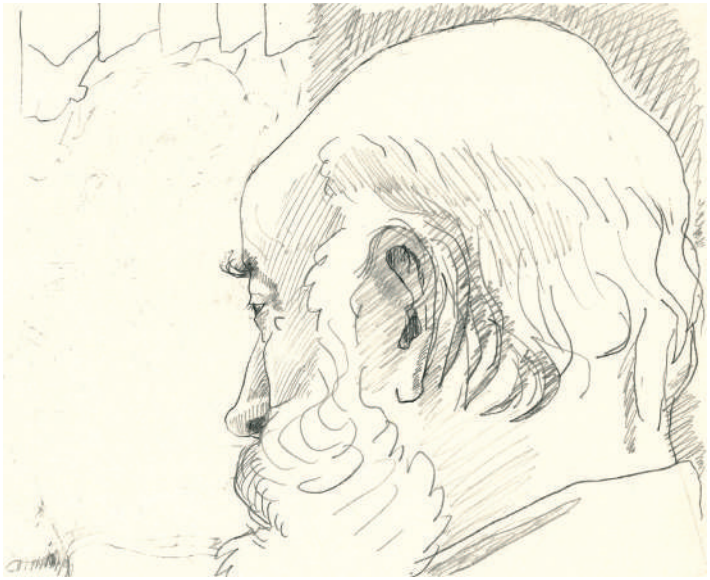

председатель секции графики Ф. Лемкуль, б.к. 13х20 см
бюро секции графики, б.к.13х21 см

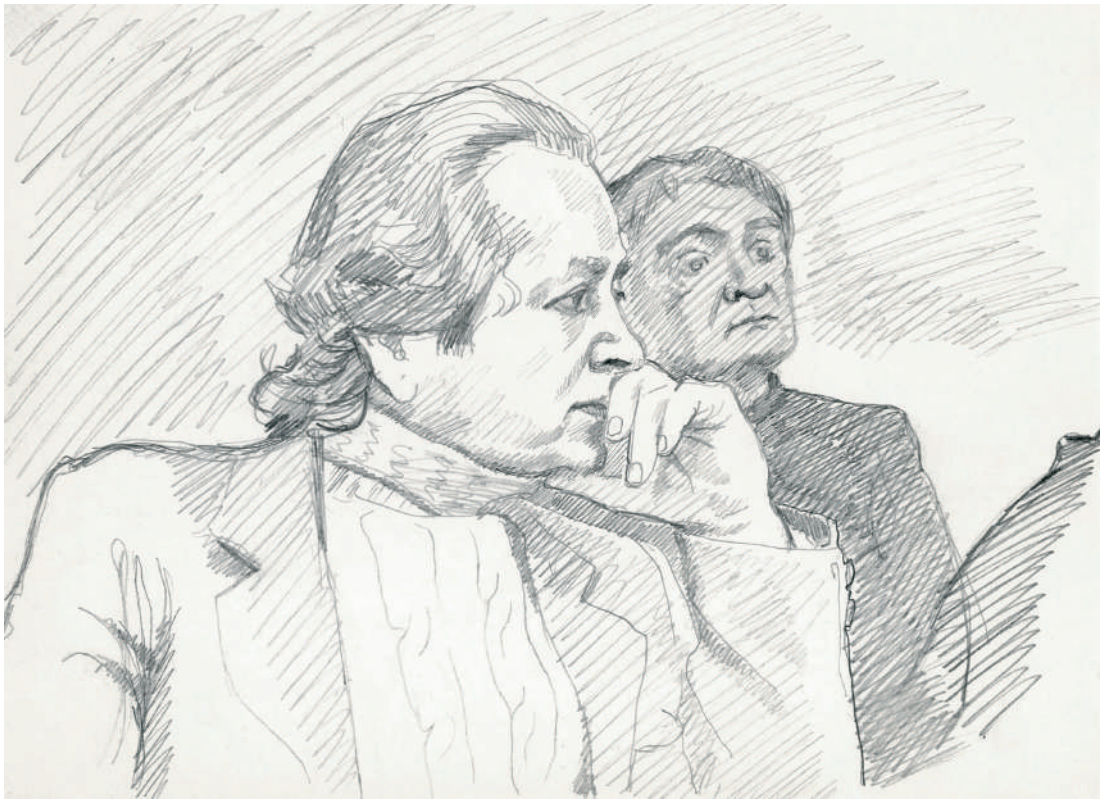
друг детства А. Шапиро 1982 г., б.к. 21х20 см

художник Ю. Басов, б.к. 11х10 см

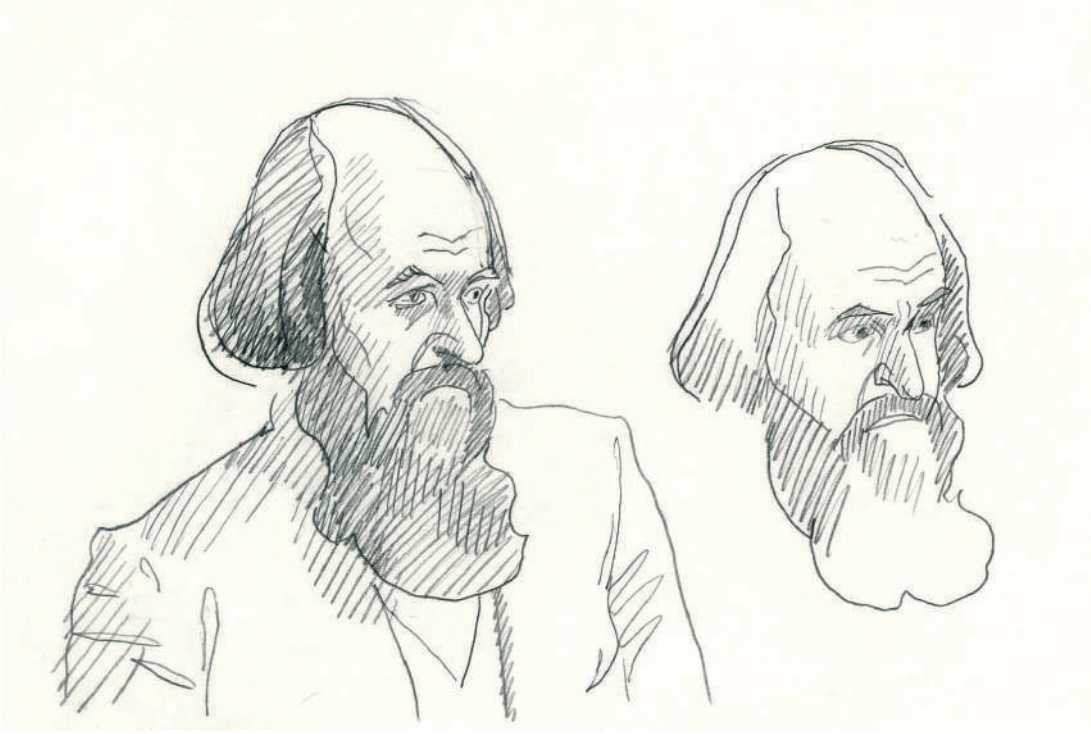
художник А. Максимов, б.к. 13х16 см

слушают, б.к. 14х18 см

нет ответа, б.к. 14х19 см

художник А. Максимов-Нестеров, б.к. 10х17 см

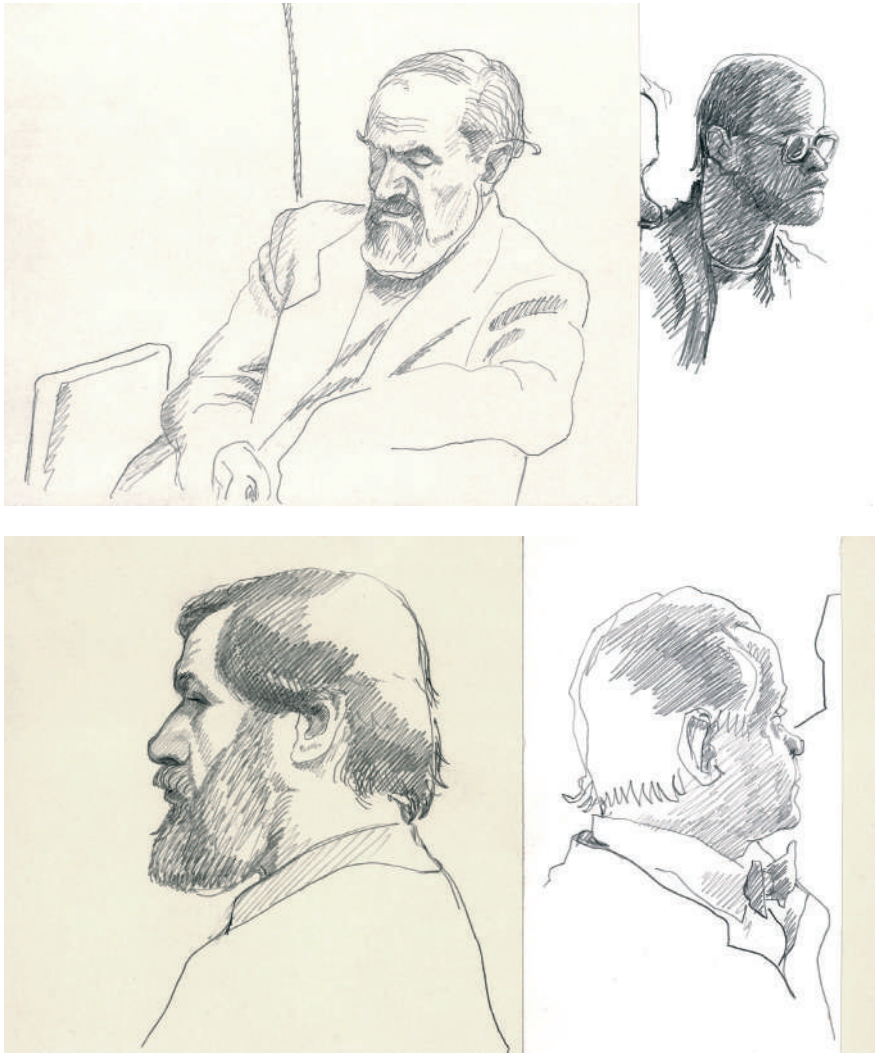

скульптор В. Пилипер, б.к. 14х10 см

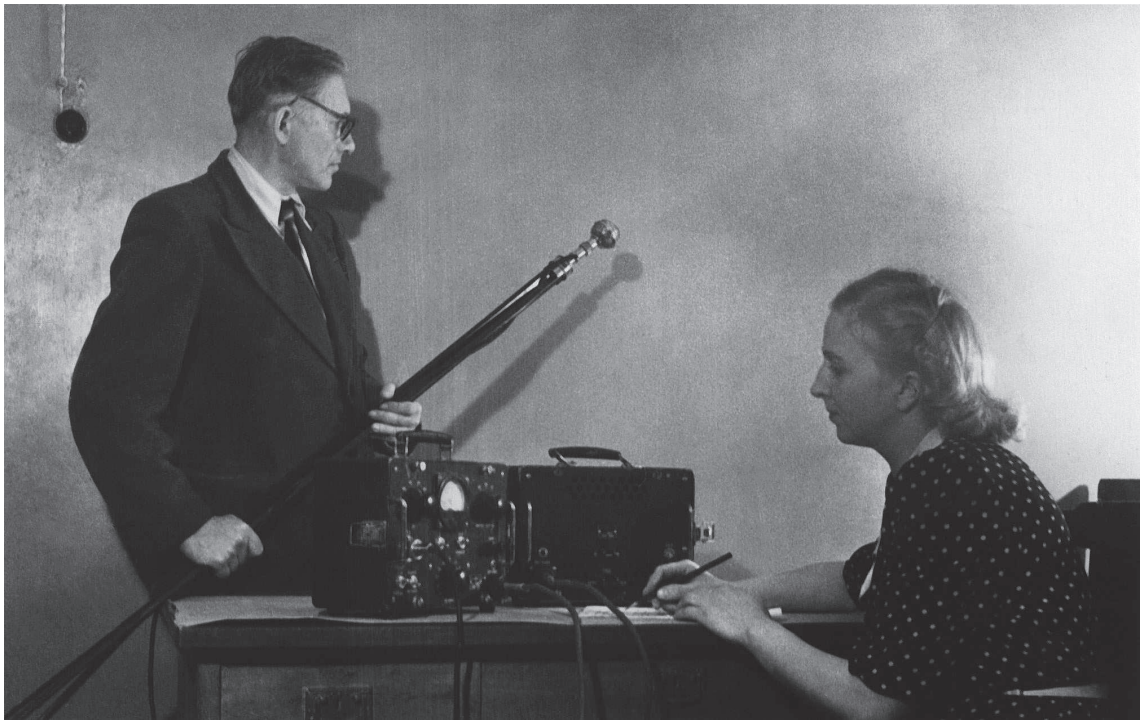

художник А. Кирилло, б.к. 13х21 см
художник А. Каменский, б.к. 10х8 см

художники Л. Тукачев и А. Кузнецов, б.к. 13х21 см
художники В. Андреенков и В. Павлов, б.к. 13х21 см

фото

3. С. Данилова и К. Н. Лесли. Лаборатория окустики 1954 г.

Мама З. С. Данилова 1953 г.

в доме Нины Сидоровой и В. Смородинского 2006 г.
у Юры Басова 2007 г.

А. Комиссаров с мамой З. С. Даниловой 1963 г.

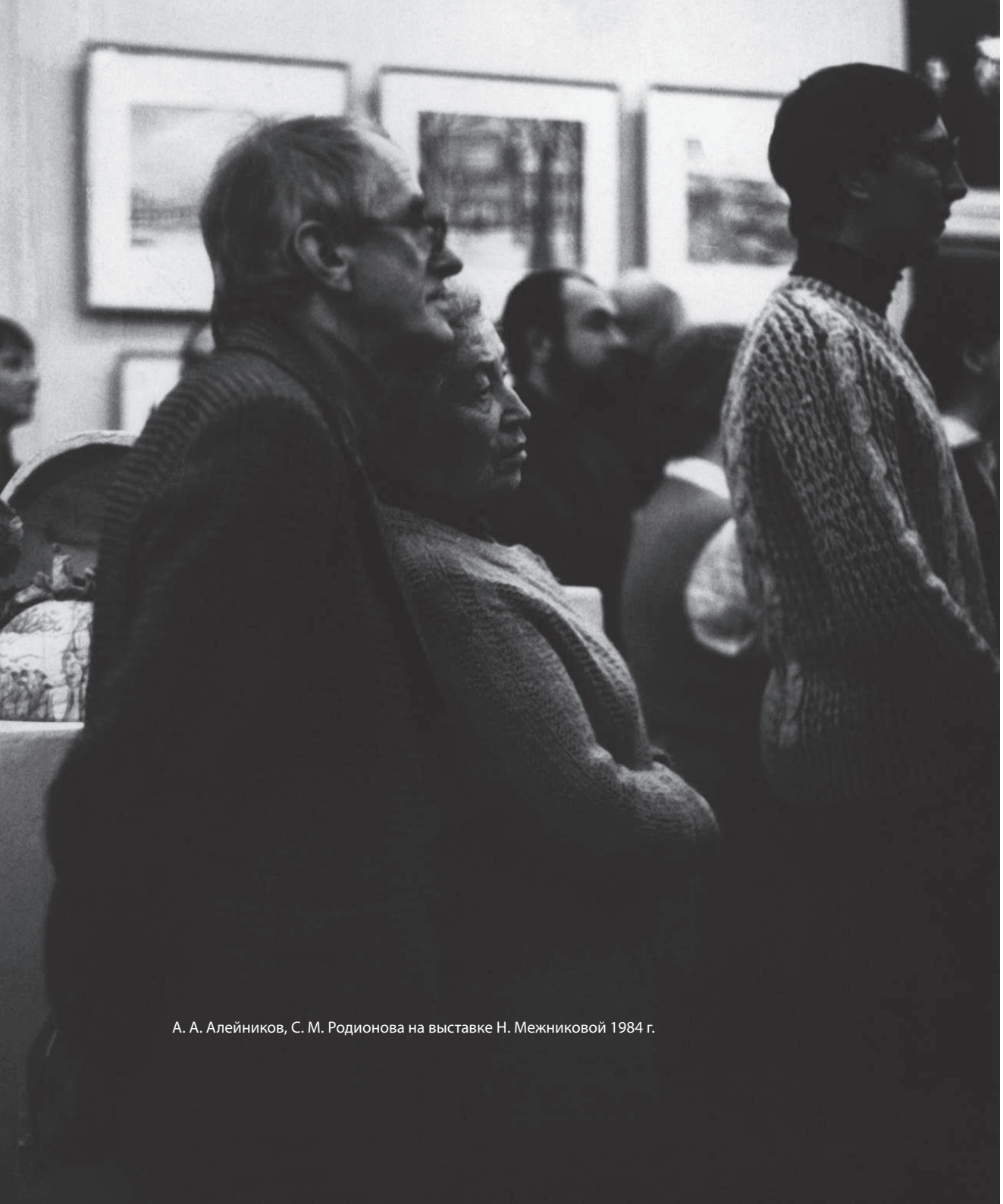
С внучкой Сашей Комиссаровой 2010 г.

защита диплома Г. Д. Финогенов, В. Казарин, В. Дубровин, Н. Межникова, А. Комиссаров 1971 г.

А. Зинковский, В. Трифонов, А. Дрючин, А. Комиссаров 1969 г.

А. А. Алейников, С. М. Родионова на выставке Н. Межниковой 1984 г.

открытие выставки на Кузнецком 11 1990 г.

В. Н. Вакидин 1985 г.

преподает на худ-графе 1977 г.

любимые – внучка и кот, 2005 г.

с дочкой Машей 1974 г.

А. Нерославский, А. Комиссаров. Каргополь, 1978 г.

вечерком на даче у А. Нерославского 2010 г.
С. Куприянова и А. Шапиро 1986 г.

с молодыми композиторами Верой и Гришей Зайцевыми 2002 г.

поздравления с Днем рождения 20 января 2008 г.

Это издание посвящено памяти Александра Комиссарова (1946-2016) и рассказывает о замечательном творческом человеке редкого обаяния – друге, учителе, спутнике жизни. Книга иллюстрирована графическими работами художника, а также фотографиями, которые вкупе с воспоминаниями передают атмосферу времени 50-х – нулевых годов, и, без сомнения, свидетельствуют не только о ней, но и о личности Саши Комиссарова.